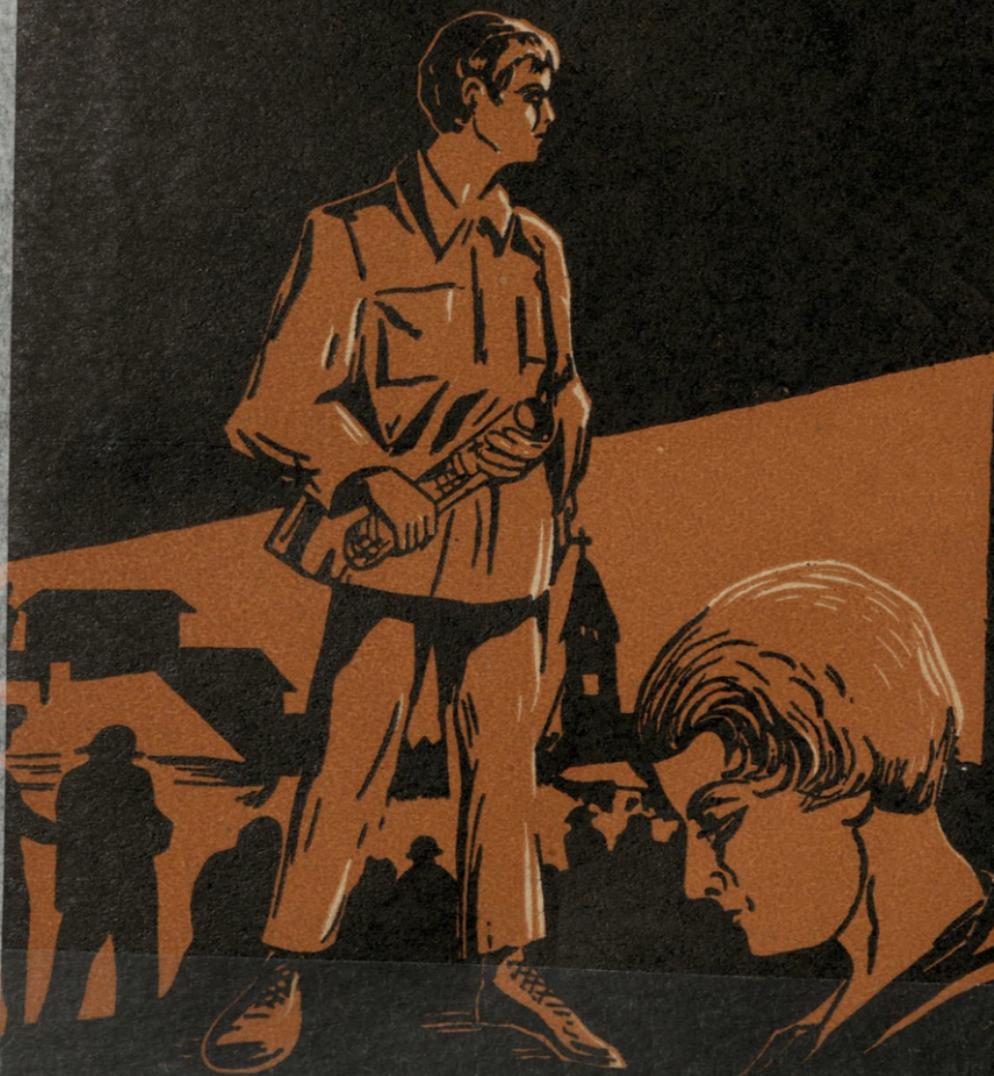

С ЗАЯЦКИИ

ПРОСТАЯ МУДРОСТЬ

ТЕА-КИНО-РЕЦЕНЗИИ

С. С. ЗАЯИЦКИЙ

3—40

ПРОСТАЯ МУДРОСТЬ

В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ,
СЕМИ КАРТИНАХ

Т Е А К И Н О П Е Ч А Т Ь
1 9 3 0

«Мосполиграф», 18 типо
графия им. М. И. Рогова.
Петровка, 38.
Главлит № А—41.112.
Тираж 6.000.
Текинопечатъ № 1.140.

Пьеса «Простая мудрость», затрагивающая вопросы семьи и брака, подана автором в плане легкой комедии.

Наивная провинциалка Женя, приехавшая в Москву учиться пению, попадает в мещанско-богемское окружение семьи Холиных. Общество Холиных развратничает, прикрываясь лозунгом свободы чувств, и Женя под влиянием окружающей среды сходится с Холиным, который, однако, вскоре ее бросает. Она возвращается к мужу, который тем временем успел жениться на другой. Общее благополучие устраивает комсомолец Дроздов, который женится на Жене. «Простая мудрость», по словам Дроздова, в том, чтобы жить и работать для будущего, для наших детей.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Александр Терентьевич Моргунов—
житель г. Тополянска.

Женичка—его жена.

Леонид Николаевич Холин — молодой
профессор филологических наук.

Аня—его жена, певица.

Люсси—ее подруга, шикарная дама.

Дроздов Петя—композитор.

Данил Данилович—бухгалтер.

Дарья Платоновна — провинциальная жен-
щина критических лет.

О. Геннадий—священник.

Танечка—его дочь.

Аффе—учитель немецкого языка.

1-ая }
2-ая } барышни—подруги Тани.

Лев Лазаревич }
Сарра Моисеевна } жители Тополянска.
Софья Львовна }

Дарья—прислуга Моргуновых.

Сырчук—старый пьяница.

Шурочка—его племянница.

Лара }
Кирка } гости.
Печальный демон }
Почтальон.

Действие происходит в наши дни в Тополянке и в Москве.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната Моргунова в Тополянске. Вечереет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Моргунов в кресле сидит у окна, вытянув ногу, и вырезывает из дерева фигурки. Шурочка подходит к окну снаружи.

Шурочка. Вашей супруге замечательно повезло. После дождичка такое солнышко, и нет пыли. Ах, значит, в самом деле, бывают везучие женщины. А я живу, словно меня жить наняли.

Моргунов. Да, но посудите, Шурочка, до чего мне обидно. Приезжает жена с курорта, после месячной разлуки... Я, можно сказать, заждался, исстрадался, чахнуть начал... и вот (показывает на ногу) не могу встретить.

Шурочка. Я удивляюсь, как можно так халатно ходить по нашим доскам.

Моргунов. Замечтался... вообразил себя птицею и полетел... только не на небо, как предполагал, а прямо в грязь...

Шурочка. Это вам наказание за ваше чересчур горячее воображение. *(Оглядываясь.)* Идет... И пьяный вдрызг. Ой, несчастье мое!

Моргунов. Влезайте скорей в окно *(помогает ей)*. Вот как приходится от родного дядюшки спасаться. *(Смеется.)*

Шурочка. Тсс... *(Становится так, что ее не видно из окна.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Сырчук за окном.

Сырчук *(опирается на подоконник и начинает насвистывать грустную арию. Моргунов хохочет)*. Ты чего ржешь... *(Тот хохочет, тщетно сдерживая хохот.)* Ты как смеешь надо мной ржать... Заткнись. *(Моргунов хохочет.)* А ты так, чорт полосатый. *(Лезет на окно, срывается и бежит в дверь.)*

Шурочка. Ну вот что наделали. *(Прячется в соседнюю комнату.)*

Сырчук *(вваливаясь)*. Я тебя убью сейчас моментально... Чорт полосатый. *(Наступает на Моргунова, тот на костыле ковыляет от него.)* Дьявол.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Данил Данилович.

Дан. Дан. *(входит с покупками)*. Ты чего это эй, Сырчук. Постой-ка... Что я тебе скажу. *(Сырчук останавливается.)* К тебе там... военный какой-то приехал... Прямо в дом вошел.

Сырчук. Во... военный... врешь...

Дан. Дан. Сам видел... С усами... Не Кочмарев ли...

Сырчук. Ого. Это мы поглядим. *(Шатаясь, убегает.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же без Сырчука.

Дан. Дан. Это он с чего. *(Шурочка входит.)*
А вот оно как... *(Сердито.)* Так, так. *(Кладет покупки.)*

Шурочка. Довольно некрасиво вам пользоваться именем покойника...

Дан. Дан. Я ведь не знал, что вы тут изволите иметь местопребывание... Надо было пьяного-то сплавить.

Шурочка. Я думаю, можно было это сделать и иначе...

Дан. Дан. Драться что ли. Своя шкура дорога... Да в ~~общем~~ с вами разговаривать особенно не имею расположения.

Моргунов. Это я все наделал. Насмешило меня, что от родного дядюшки так приходится спасаться... Это у меня явление чисто нервное.

Шурочка *(Дан. Дан.)*. Кочмарев в тысячу раз благороднее вас был, он за свою идею погиб, а вы только всю жизнь ходите и всем шпильки подпускаете... *(Всхлипнув.)* Хоть бы вы подошли. *(Уходит.)*

Дан. Дан. И вам желаю того же. (*Затворив за нею дверь.*) Пиявка.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Моргунов и Данил Данилович.

Моргунов. Она несчастный человек.

Дан. Дан. Несчастный человек, а юбка выше колен, чулки шелковые... Всем бы такого несчастья.

Моргунов. Молодая женщина... Конечно, ей хочется пококетничать. А ведь Сырчук ее чуть не бьет.

Дан. Дан. И я бы на его месте бил. Он ей в общем законное сожителство предлагает, а она, извольте видеть, нос воротит. Он, может, от этого и спился-то. От любви.

Моргунов. Какая же в его лета любовь?

Дан. Дан. (*сердито*). Иной старик в этих делах подтверже твоего будет.

Моргунов. И он ей не нравится. Грубый алкоголик. Вполне естественно.

Дан. Дан. У тебя все естественно... Ну, ладно. (*Достаёт покупки.*) Огурцы двенадцать, помидоры десять, ветчина сорок, вино рубль. (*Злобно ставит бутылку.*)

Моргунов. Барзак?

Дан. Дан. Барзак... Постой... Рубль шестьдесят две... а тут... да. Коробочка спичек... правильно...

Моргунов. Милый, будь другом, вино в шкаф поставь, за кубышку с сахаром.

В дверь заглядывает Дарья.

Дарья. Самовар-то ставить?

Моргунов. Обязательно. Пожалуйста, через полчаса придет. (Дарья исчезает.) Спасибо тебе, царь Додон. Ужасно выручил.

Дан. Дан. Ну что? Очень доволен?

Моргунов. Нога подвела... И как это я полетел... Не могу теперь встретить. Я уж с ямщиком записку послал.

Дан. Дан. Интересно будет посмотреть на крымскую жительницу. У нас жарко... а там-то, небось, одно сплошное пекло.

Моргунов. Ей это на пользу.

Дан. Дан. Тебе все на пользу. Жара на пользу, дождь на пользу, большевики на пользу. Удивительно, как это ты еще не радуешься, что ногу вывихнул.

Моргунов. А что ж, то-есть, конечно, мне досадно, что я. Женю не могу встретить, а если разобраться... так есть и польза. Три дня дома посидел, с мыслями как-то собрался. Вот книжку прочел. Так бы никогда на раскачался, а тут прямо-таки с удовольствием прочел.

Дан. Дан. (берет книжку). История Эркапе. (Швыряет книжку на подоконник так, что она падает на улицу.)

Моргунов. Ой, что ты... из библиотеки...

Д а н. Д а н. И подымать не пойду. Пусть ее там свинья с'ест. Нашел чтение.

М о р г у н о в. Царь Додон... подыми.

Д а н. Д а н. (*нагибается за окно и достает книгу*). Только вот что из библиотеки. Подавись.

М о р г у н о в. Неужели тебя не интересует знать, как это все произошло. Например, представь себе, Ленин в Цюрихе жил себе, и никто не предполагал, что его, скажем, на Красной площади в мавзолее похоронят.

Д а н. Д а н. Ну и что же. Легче тебе от этого стало.

М о р г у н о в. Не легче, а мне любопытно. То был обыкновенный эмигрант и вдруг — трах! председатель Совнаркома. Сразу историческая личность.

Д а н. Д а н. Кругом разруха. Все летит к чорту. Семьи нигде нет, жены по десяти романов сразу закручивают, дети хамят, мануфактуры нет, муки белой... понимаешь ты, мурло интернациональное, в России белой муки нет. В России. (*Моргунов хохочет навзрыд*.) Вот у Рохлева жена с кинооператором убежала. Да не хохочи ты, балда этакая. Перестань гоготать.

М о р г у н о в (*хохочет*). Анна Каренина при царе от мужа убежала.

Д а н. Д а н. Ну и был скандал на всю Россию. Чуть не весь синод на ноги поставили. Под поезда бросались. Эх, жаль, жену тебе такую бог послал. Тебе бы наставить десяток рогов... Тогда бы по-

хихикал... (Дразнит.) Хо, хо, хо!.. У!.. Вот придет время, штаны не из чего будет шить, тогда узнаешь, а англичане будут по десяти штанов носить... Вот сократят тебя к чорту, слякоть, гнусную, и очень рад буду... Дохохочешься... Какой, подумаешь, нарком. (Он уходит и появляется в окне.) Едет, иди-ка, встречай. (Исчезает.)

Моргунов (сразу перестает смеяться, вскакивает и ковыляет к двери). Едет! Дарья! Едет! (Он прихорашивается перед зеркалом, в волнении делает несколько шагов взад-вперед, хромая.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Моргунов, Женя и Дарья.

Женя. Как это ты ухитрился ногу вывихнуть? Я на Ай-Петри лазила и то цела... Вот нескладеха. (Подставляет щеку для поцелуя.)

Дарья. Барыня-то, дюже черная. Як арапка.

Женя. Я вся пыльная. Осторожнее эту корзину. Тут виноград. Не раздави.

Моргунов. Но до чего ты загорела. Совершенная мулатка.

Женя. Это у нас даже не считалось загаром. Там некоторые дамы были вроде этого буфета.

Моргунов. И очень поправилась. Очень поправилась.

Женя. Погоди, ты еще не видел меня по настоящему.

«Я не такая... я иная,
Я вся из блесток и минут».

(Хватает чемодан и тащит его в соседнюю комнату.)

Моргунов. Я помогу...

Женя. Погоди. (Она уходит и запирает за собою дверь.)

Моргунов. Пусти же меня...

Женя (за дверью). Нельзя... нельзя... (Поет: «Я не такая, я иная.»)

Дарья. Во веселая приехала... Добре.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Моргунов, постепенно входят: Сарра Моисеевна, Дарья Платоновна, Лев Лазаревич, Софья Львовна, Данил Данилович.

Сарра Моис. Приехала! Можно?

Моргунов. Пожалуйста.

Сарра Моис. Я видела издали, какое у нее лицо. Как шоколад. Это уже хорошо.

Моргунов. У нее чудный вид и дивное настроение.

Сарра Моис. Чтоб у молодой женщины после Крыма было дурное настроение. Где вы видали такую женщину. А где же она?

Моргунов. Моется... переодевается.

Дарья Плат. (входя). Что же это вы, бесстыдники, в темноте... Жена приехала, а они шушу. Хоть бы лампу зажгли.

Моргунов. Я зажгу.

Дарья Плат. Где уж вам... инвалидам... (Зажигает.) Говорят, совсем арапка.

Лев Лаз. (входит, за ним Софья Льв.). Я зашел полюбоваться чернокожей принцессой.

Софья Львовна. Где она? Где? Я так жажду услышать про Крым.

Дан. Дан. (входит хмуро.) Благополучно?

Моргунов. Ты уж извини, царь Додон, я опять в хорошем настроении.

Дан. Дан. На Яковлева две тысячи наложили. Сейчас в аптеке разговор был. Хочет мельницу закрывать.

Лев Лаз. Они думают, что люди себе деньгами сморкаются.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Женя появляется в чалме и платье из татарской чадры, очень обнаженная.

Женя (поет). «Я не такая, я иная,
Я вся из блесков и минут.
Во мне живут утехи рая,
Интимность, нега и уют».

Неловкая заминка.

Дарья Плат. Ну, здравствуй, во-первых. (Обнимает.) Платье-то, платье-то, словно и нет его вовсе.

Лев Лаз. Это татарский стиль, я знаю...

Сарра Моис. Очень просто и очень шикарно.

Софья Львовна. Ах, я мысленно переношусь к подножью Аю-Дага. От вас пахнет морем и солнцем.

Д а н. Д а н. Не скажу, чтоб пополнили.

Ж е н я. Я и не стремилась потолстеть. Напротив, я все время шлялась по горам, чтоб сбавить. Терпеть не могу лишнего балласта. А как вы все тут? Прыгаете? Хотите винограду? Чудный. Давайте питаться. Это у нас там было такое выражение: «Идемте питаться». Или: «Надо попытаться попитаться». Там один художник, между прочим, всегда с'едал чужую порцию. Жадный до невероятия.

Л е в Л а з. Это смешное выражение «питаться». Очень комично.

Ж е н я (*вынимая виноград*). Вот! Питайтесь! Какой там воздух. Вздохнешь, а выдохать не хочется. Какие мы там дивные прогулки совершали. Меня прозвали задумчивой наядой, потому что я всегда говорю, говорю и вдруг задумаюсь. Мне кричали: «Задумчивая наяда, идемте питаться».

С а р р а М о и с. Приятно видеть человека в таком веселом настроении. А то все теперь кислые, как уксус.

Ж е н я. Киснут, потому что не умеют жить. У нас там был способ, один артист научил: если все собираются и находятся в плохом настроении, мы делали так: полная тишина, а потом по команде все должны улыбнуться. И сразу у всех делается хорошее настроение. Это, кажется, называется система Станиславского. Вот попробуйте. Молчание. А когда я скажу «три», улыбнитесь, но непременно все сразу. Ну, попробуйте: раз, два... три.

Д а р ь я П л а т. Что же я дурочка, что ли... так ни с того ни с сего улыбаться...

Л е в Л а з. Ей хорошо говорить. После Крыма я бы тоже улыбнулся...

С о ф ь я Л ь в о в н а. А я улыбнулась... и мне стало лучше.

Д а н. Д а н. Пожалуй, с нашей жизни заулыбаешься.

Ж е н я. Так нельзя. Надо всем сразу.

М о р г у н о в. А я знаю еще более верный способ. *(Ковыляет к буфету и достает бутылку.)* Вот.

Ж е н я. О, вино. Молодой человек, вы проявляете инициативу. А какое мы там пили вино. Розовый мускат. Того художника прозвали Маркиз де-Мускат.

«Маркиз Мускат,

Я очень рад:

Всегда бывает кстати

Напомнить о мускате,

Ему бывают рады

И люди и наяды,

Да здравствует Мускат!»

М о р г у н о в *(наливая)*. Что же ты не привезла бутылочку?

Ж е н я. Я везла, да выпили по дороге. Вот если бы ты меня встретил, я бы тебя познакомила с Холлиными. Он художник, а она актриса, певица. У нее псевдоним Марина Тоскана. Гениальная Джильда...

М о р г у н о в. Ну, Женичка, твое здоровье.

Женя. Я всегда пью только за солнце. За южное солнце.

Пьют молча.

Дарья Плат. Я женщина не пьющая. Должно быть, по глупости отстала.

Лев Лаз. Ну... надо дать новоприезжей отдых.

Софья Львовна. Но я к вам завтра зайду, расспросить вас наедине. Ведь в Крыму под каждым кипарисом блуждает моя тень.

Моргунов. Приходите, господа, слушать подробные рассказы.

Дан. Дан. Придем, счастливый человек, придем. Не беспокойся. Придем.

Сарра Моис. (Жене). Вы нам уделите кусочек вашей жизнерадостности. Что?

Женя. С наслаждением... оптом и в розницу.

Все уходят, кроме Жени и Моргунова.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Моргунов и Женя.

Моргунов. Это все прекрасные люди, но я в общем рад, что они ушли. Мне хочется с тобою побыть вдвоем.

Женя. «Уйдите боги, уйдите люди.

Мне сладко с нею побыть вдвоем».

Моргунов. Ты как-то ужасно переменялась.

Женя. Я несколько не переменялась. Просто я отдохнула и стала нормальным человеком.

Моргунов. Но ты все-таки рада, что опять приехала домой?

Женя. То-есть я рада, что вижу тебя, но вообще здесь ужасно. Ужас! Ужас! Такая дыра. А все эти люди. Какие-то тусклые, бледные. Там, в Крыму, яркие цвета. Все горит. И ты какой-то бледненький. Все собачек вырезаешь?

Моргунов. И петухов начал. Идут по гривеннику. А у нас много новостей. Ивана Ивановича сделали помощником заведующего, он купил себе портфель с ручкой и все пишет резолюции. Сырчук, подлец, продолжает Шурочку истязать. Такая несчастная. И главное — деться ей некуда. Непременно хочет, чтобы она стала его любовницей. А я вот третий день с ногой вожусь. (Обнимает ее.) А ты так редко писала. Нехорошо, кисюля.

Женя. Время неслось с феерической быстротой. Там один инженер все время кричал: «Остановись мгновенье, ты так прекрасно». И нарочно часов не заводил. Ужасный комик. Его прозвали Ай-Петька... в подражанье Ай-Петри. Гора Ай-Петри, а он Ай-Петька... Холин так его прозвал. Очень острый человек. Однако, вот сейчас я чувствую, что действительно устала.

Моргунов целует ей руку выше локтя.

Женя. Молодой человек, вы проявляете инициативу.

Моргунов. Мне почему-то неприятно...

Женя. Что?

Моргунов. Когда ты так говоришь.

Женя. Почему? Это смешная фраза. Смотри, луна. Ну-ка, погаси свет. (*Моргунов гасит свет, Женя отворяет окно.*) Милая луна. Ты сейчас озаряешь своим двусмысленным светом и суровую вершину Ай-Петри и белые башни Дюльбера. О луна, волшебница ночи. О луна. Ы-ы-ы... (*воет по-собачьи.*) Это мы там так с Холиными на луну выли. А у меня знаешь, Саша, все нашли голос и большую музыкальность... Марина Тоскана чудно умеет ставить голос. Холины меня в Москву звали... Заработок они мне найдут. Сейчас в Москве все цветы искусственные делают. Это страшно выгодно. А жить я могу у Маруси...

Моргунов. Что ж, Женичка, это чудесно. Ты знаешь, что я никогда не стесняю твоей свободы... Я хочу, чтоб твоя личность развивалась нормально.

Женя. Ты умный, что так на это смотришь. Я там один раз пела в одном санатории, так меня цветами забросали. Саша, а вдруг я в самом деле стану знаменитой актрисой?

Моргунов. Это было бы великолепно... Но... ты действительно хочешь ехать?

Женя. Конечно... то-есть не сейчас разумеется, а когда вполне наслажусь вашим присутствием, милорд.

Моргунов. Правда? Ты правду говоришь?

Женя. Милорд, это невежливый вопрос. Мысль, что женщина может солгать, не должна приходить вам в голову.

Моргунов (*обнимая ее страстно*). Моя глупая. Моя милая.

Женя вдруг испуганно отскакивает от окна.

Почтальон (*в окне*). Телеграмма.

Моргунов. Ой... Я тоже испугался. (*Распихивается*.) Спасибо, Макар Семеныч.

Почтальон. Не за что... Расписались... Луна-то какая. (*Уходит*.)

Моргунов. Неужели с бабушкой плохо. (*Чиркает спичку*.) «Приветствуем задумчивую Няяду. Крымвес».

Женя (*хохоча*). Дураки. Это они из Белгорода. Как скоро дошло. Ну-ка, зажги еще. «Приветствуем задумчивую Няяду. Крымвес».

Моргунов. А что такое Крымвес?

Женя. Крымские весельчаки. Наша кличка. (*Напеваает*.)

«При лунном сияньи,

Милый друг Пьеро». (*Задумывается*.)

Моргунов. Женичка... но как же в Москве...

Женя. Тсс... Не мешай мне думать. Когда я задумываюсь, мне не надо мешать...

Глядит на луну. Моргунов смеется.

Женя (*с досадой*). Ну чего ты хохочешь.

Моргунов (хохочет). Так... я... (хохочет).
очень рад, что тебя вижу. (Хохочет.)

Женя. Поехал... Никакой в тебе абсолютно нет
ни поэзии... ничего... (Моргунов хохочет, утирая
слезы.) Дурак. (Она убегает и захлопывает за со-
бою дверь.)

Моргунов (сразу перестав смеяться). Женич-
ка, Женичка... Я больше не буду... Честное слово...
Никогда не буду больше смеяться... Женичка...

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната Холиных. Вечер.

Большая комната с роялем и старинною мебелью. Кровать отделена занавеской. На стенах картины и гравюры.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Холин бреется перед зеркалом, Аня делает салат, она в капоте.

Холин (*гримасничая от боли*). Чорт бы побрал эти ножи!.. Отпущу себе бороду до колен... ну их к чорту! (*Стук в дверь.*)

Аня. Кто там? (*Голос: «Почту примите», просовывается рука.*) Спасибо! (*Рука исчезает.*) Тебе повестка на заседание Ассоциации.

Холин. Чорт с ней!

Аня. А это от фининспектора. Явиться почему-то для объяснений, в трехдневный срок.

Холин (*швыряя бритву*). Это удивительно! Ведь я же просил тебя никогда не сообщать мне не во-время таких гадостей. Неужели нельзя было отложить до утра! А теперь все настроение к чор-

ту. Буду весь вечер киснуть. Не стану даже бриться!

А н я (обнимая его сзади за шею). Ну простите, маркиз, я забыла.

Х о л и н. Спасибо за такую забывчивость. Было чудное настроение, мечтал выпить, пофлиртовать... Провались вы все...

А н я. Забудь, моментально забудь. Буду целовать, пока не забудешь.

Х о л и н. Конечно, добреюсь, если начал! Ах, идиотская жизнь. Водку за окно поставила?

А н я. Поставила, поставила!

Х о л и н. И вино белое?

А н я. И вино.

Х о л и н. А красное надо откупорить и к отоплению.

А н я. Все сделано, маркиз, каждое ваше желание угадывается заранее, только не злитесь.

Х о л и н. Я не злюсь, а говорю... ну пусти... а то мыло стынет!

А н я напевая отходит к столу, Х о л и н кончает бриться и рассматривает себя в зеркало.

Х о л и н. Это называется мужчина в тридцать пять лет. Морда обрюзгшая! Седые волосы...

А н я. Однако, барышни почему-то предпочитают тебя, скажем, тому же Ежу Петухову!

Х о л и н. Еж Петухов уж, конечно, лучше меня. Глупые барышни, носятся с развалиной...

А н я. Хороша развалина, непохоже.

Х о л и н (обнимая ее). Непохоже? Непохоже?
Непохоже?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Люсси.

Люсси (заглядывает в дверь). Можно?

Х о л и н. Пожалте, мадам, пожалте!

Люсси. Дрясьте, дрясьте! Салат делаешь?
Помочь? Я нарочно пораньше зашла... Цените мою
трудоспособность?

Х о л и н. А где муж?

Люсси. До сих пор дуется за ту шараду! Не
придет! Считает, что я ему изменила!

Х о л и н. Идиот! Вообще величайшая глупость—
это требовать верности! Все эти клятвы любви до
гроба, это такая чепуха, такое наглое ханжество!
Ну как, например, я могу быть верным Ане, когда
я вижу ножки Люсси? Не могу! Хочется поцеловать
ножку.

Люсси. Я приятно смущена! Не знаю, как по-
ступают в таких случаях.

А н я. Очень просто! (Толкает ее в кресло и
поднимает ей ногу, Холину.) Пожалуйста!

Х о л и н (становится на одно колено, целует
ножку). Учитесь, мадам!

А н я. А теперь делайте салат! Я пойду одевать-
ся! (Уходит за занавеску.) Я с ним согласна! Лю-
бовь должна быть свободной!

Люсси. Молодчина, Аня!

Х о л и н. О, она гениальная женщина! Вообще...

Я сегодня хочу быть в хорошем настроении. Мне хочется вина, любви, вкусных вещей. Посоветуйте, какой галстук надеть!

Лю с с и. Вот этот... Он похож на морские тучи...

Хо л и н. Приятно видеть поэтически настроенную даму. Аня, предупреждаю, я хочу сегодня влюбиться...

А н я. Превосходно!

Хо л и н. Советую и тебе сделать то же!

Лю с с и. Счастливая Аня! Ах, если бы мой муж хоть один раз дал мне такой совет.

А н я (*выскакивает в купальном костюме*).
Yam ready!

Лю с с и. Play!

Хо л и н. Вот это к тебе действительно идет! Жаль, что ты не можешь остаться так на весь вечер!

А н я. Почему не могу? В комнате жарко! Буду больше двигаться и больше пить!.. (*Ходит зигзагами.*)

«Стало мне в Венеции жарко,
Скучно так кормить голубей!..»

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Печальный демон.

Печальный демон (*в дверь*).

«И на площади святого Марка
Повстречался мальчик Чичисбей!»

Х о л и н. А, Печальный демон!

Печальный демон (Ане). В чем это вы?

А н я. Я теперь буду так ходить по Москве!

Печальный демон. Очень хорошо! Вы знаете, господа, что Хромину, действительно, прокусили нос!

Х о л и н. Вздор!

Печальный демон. К сожалению, я это знаю из вполне достоверного источника, а именно от него самого!..

А н я. И, действительно, прокусила Нина Гри-Гри?

Печальный демон. Да... Он об'яснился ей в любви, и она выразила ему свое благоволение. А на другой день приезжает к нему ее муж и говорит: «Я, говорит, ничего не имею против того, чтоб у вас был роман с моей женой, но я прошу вас сделать себе реакцию по Вассерману».

Х о л и н. Чорт знает что!

Печальный демон. Он, конечно, очень возмутился и на другой день, встретив Нину Гри-Гри на улице, выразил ей свое негодование. И тогда она тут же, на улице, прокусила ему нос!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Те же, Кирка и Лара.

К и р к а. Господа, вы знаете продолжение истории с носом? Муж приехал к Хромину и посоветовал ему делать прививки, ибо он предполагает, что его жена взбесилась.

Люсси. Какой ужас!

Аня. И что же он?

Лара. Ездит в Пастеровский институт!

Холин. Господа... Бросим эти темы... Сифилис, водобоязнь!.. Типичный разговор для русских, намеревающихся веселиться.

Лара. Аня! В чем это ты? А я так привыкла видеть тебя в Крыму, что сразу даже не обратила внимание!..

Шум за сценой.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, 1-й, 2-й, 3-й гость, 1-я, 2-я, 3-я дамы.

Вошедшие поют хором:

«Прибежали в избу дети,

Второпях зовут отца...»

1-я дама. Аня, bravo! Молодец! Мисхорский пляж.

2-я дама. А мы были на «Знаке Зорро».

3-я дама. Петька, изобрази Дугласа!

1-й гость кривит челюсть, прыгает через стулья, лезет под стол; потом хватает губную помаду у одной из дам и делает на лбу у Печального демона „Знак Z.“ Общий хохот.

Холин. Здорово! Аня, давай сразу ужинать! Надо выпить!

Печальный демон (вытирая перед зеркалом лоб). Повидимому, это считается остроумной шуткой...

Аня ставит на стол водку и закуски.

Люсси (Холину). Аня храбрее тебя. Ты бы не решился сейчас облечься в купальный костюм.

Холин. Я? Я бы не решился? (Под общий хохот сбрасывает с себя воротник, галстук, пиджак, жилет и рубашку.)

Хохот.

Печальный демон (яростно). Оденься сию же минуту! Сволочь!

Холин. Чего ты злишься, скотина?

Печальный демон. Оденься! (Он тычет ему в лицо рубашку. Холин хочет на него кинуться, но Аня с хохотом хватается Холина сзади и щекочет.)

Холин. Ой, ой, пусти!

Люсси. Аня, ты с него штаны стащишь! (Хохот.)

Печальный демон. Это называется семейный дом!

Аню оттаскивают, но она продолжает хохотать и вырываться. Холин стоит посреди сцены, подтягивая брюки.
Стук в дверь.

Люсси. Тсс.. тише.

Тишина. Входит Женя.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Женя.

Холин. Задумчивая наядя! (Он кидается к ней, но вдруг поворачивается и бежит за занавеску.) Люсси! Киньте мне сюда мою одежду! Люсси!

А н я. Я дам! Я дам! (На ходу целует Женю.)
Молодец, что приехала! (Бежит за занавеску.)

В с е. Задумчивая наяда! Ура! (Ей целуют руку, обнимают.)

Х о л и н (выскакивает из-за занавески). Господа! (Он на ходу надевает пиджак и приглаживает пробор.) Господа! Вот женщина! Она писала нам, что собирается в Москву... Господа, она жила в Тополянске. А вы знаете, что такое Тополянск? Свинья заснет посреди улицы, и движение останавливается! Да и нет там никакого движения. Аптекарь—единственный человек, сознающий, что такое Шимми! И вот она писала, что приедет... И я... господа, мне теперь стыдно в этом признаться, но я не поверил. Но вот я целую ей руку, значит, она не мираж... Петя, играй фокстрот... тот самый, крымский! Я пью за задумчивую наяду! Ура! (Аня выходит из-за занавески в халате.)

Ж е н я. Аня... Но как вы тут живете... Почему ты в халате?

Х о л и н. Спойте... Спойте нам про Маркиза Муската!

Г о л о с а. Спойте! Спойте!

Ж е н я. Так сразу?.. Ну, хорошо!

Х о л и н. Bravo... Вот, это женщина! Соглашается без психологии!

Ж е н я. «Маркиз Мускат,

Я очень рад:

Всегда бывает кстати!..» (Останавливаясь.)

Мне стыдно! Все так на меня смотрят!

А н я. Ну, пусть не смотрят. *(Гасит свет.)*

В темноте визг, хохот.

Г о л о с Х о л и н а. Зажги свет, дура!

Вспыхивает свет. А н я лежит посреди комнаты на ковре.

Все умолкают.

Х о л и н *(подходя к ней)*. Аня! Аня! Что с тобой?

А н я *(лежит, потом сразу вскакивает)*. Ловко притворилась? Дурак! Дурак! *(Хохочет.)* Дурак!

Х о л и н. Гробовая шутка. Наяда! Где вы? *(Жени нет, Холин бежит из комнаты.)*

Л ю с с и *(Ане)*. Выпей! *(Дает ей воды.)*

А н я. Это водка? *(Нюхает.)* Дура, зачем ты мне воду суешь!..

Х о л и н *(входя с Женей)*. Господа, нельзя ли потише! Вы всю квартиру перебудили. Старик, наш сосед, умрет от страха! *(Жене)*. Больше ничего не будет! Честное слово!

Л ю с с и *(целуя Аню)*. Я уйду, я устала! *(Проходя мимо Холина.)* Мерзавец! *(Она уходит.)*

Х о л и н *(Ане)*. В чем дело?

А н я. Она тебя ревнует в Наяде.

Х о л и н. Пошлячка! *(Жене.)* Ну, песню о Мускате! Господа! Внимание!

Ж е н я *(смущенно)*. «Маркиз Мускат!» *(Обрывается.)* Не могу... в другой раз! Я очень устала с дороги.

З А Н А В Е С

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комната Холиных.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Холины вдвоем пьют кофе. У стены на столе пустые бутылки и груды невытой посуды.

Холин (зевая). Приятно пить кофе с молоком. Лучшее противоядие против всех этих винторгов и госспиртов. Я думаю, француз бы на нашем месте давно сдох.

Аня. А я сейчас с удовольствием выпила рюмочку под огурчик. Хочешь?

Холин. Ни за что... Фу... подумать не могу. Но какова Наяда. Гениальная женщина... Приехала-таки. Нет, я, кажется, решительно повернусь лицом к провинции.

Аня (кашляет). Не смейся... кха... тьфу. Подавилась.

Холин. Какие, например, у этой вашей Лары ноги... Какие-то бревна в чулках. При таких ногах носит вместо юбки чуть ли не фиговый листочек... Шлейфы нужно носить, шлейфы. (Стук в дверь.) Да.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Женя.

Холин. А...

Аня (делая реверанс). Приветствую таврическую Наяду... Сядьте... Чудная, роскошная, сядьте...

Женя. Доброе утро. Я не рано пришла?

Холин. Отнюдь. Но у вас, Няяда, какой-то грустный вид. В чем дело?

Женя. Вы знаете, мне, кажется, придется ехать обратно в Тополянск.

Холин. Кто же это вам позволит?

Женя. Пока я была у вас вчера вечером, у моей подруги завелся жених. Дядюшка привел ей какого-то своего приятеля, который получил в Москве место и, по-моему, главным образом озабочен приисканием комнаты... А подруге моей сорок лет... почтенная девушка... Очевидно, мне придется выметаться.

Аня *(молча встает и берет ее за руку)*. Подите-ка сюда. *(Ведет ее в угол, где стоит диван.)* Сядьте.

Женя. Зачем?

Аня. Сядьте. *(Женя, смеясь, садится.)* А теперь лягте... Ну, ложитесь, я серьезно говорю.

Женя. Ну, легла.

Аня. Удобно?

Женя. Очень.

Аня. Ну и будете тут у нас жить... десять рублей в месяц за угол... За обед шесть гривен...

Холин. Вот это гениально... Видите, как все на свете просто.

Женя. Мне совестно.

Холин *(затыкая уши)*. Я не могу слышать этого слова. Ханжество. Человек, действительно

имеющий совесть, должен был повеситься еще десять лет тому назад.

А н я. Ну, нечего болтать зря. Идемте сейчас к моему еврею. Здесь рядом... Он сейчас «что вы себе думаете» дома. Устрою вам партию цветов... Занятие доходное и, можно сказать, даже поэтичное... А оттуда поедете за вещами.

Х о л и н. Я бы помог вам перевести вещи, но у меня через час заседание... Чорт бы его побрал...

Ж е н я. Господа, я очень вам благодарна, но это невозможно, я же вас стесню...

Х о л и н. Эта женщина слишком благовоспитана... Она вся набита светскими фразами... Невозможно.

А н я (*тащит Женю за руку*). Не усложняйте жизни. (*Они уходят.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Х о л и н один, потом Л ю с с и

Х о л и н благодушно пѣпевает кофе. Громкий стук.

Х о л и н (*испуганно вскочив*). Кто там?

Л ю с с и (*входит, едва кивнув головой*). Ани нет?

Х о л и н. Как ты меня перепугала... Я думал управдом... Здравствуй.

Л ю с с и (*садится в кресло и тяжело дышет, потом вскакивает*). Ну, я пойду.

Х о л и н. Л ю с с и, почему ты меня вчера назвала мерзавцем?

Люсси. Потому что ты и есть мерзавец. Мерзавец и дурак. Ты ничего не понимаешь.

Холин. То-есть чего же я собственно не понимаю?

Люсси. Ты думаешь, что Аня вчера в самом деле притворилась. Так, знай, идиот, что это был настоящий обморок...

Холин. Почему?

Люсси. Из-за этой твоей... провинциалки.

Холин. Чуть порешь.

Люсси. Не чуйшь, а ты болван. Аня еще тогда в Крыму ее не выносила. Она ревнует.

Холин. Почему же она к тебе не ревнует? Странновато.

Люсси. Потому что я другое дело... Мы давно знакомы и всякая такая штука. А эта... действительно, нашел. Ни рожи, ни кожи... Смотреть совестно. Ну, чего ты глаза свои пялишь?

Холин. Я не пялю, а смотрю.

Люсси. Нет, пялишь. Сволочь.

Холин. Ну говори, говори.

Люсси. Мне нечего говорить... Во всяком случае... я... моей ноги... (всхлипывает.) Бедная Аня.

Холин. Так, по-твоему, Аня ревнует?

Люсси. Ясно... Ты только...

Холин. погоди, не ори. Так знай, идиотка, что она предложила Няеде у нас жить...

Люсси. Где жить?

Холин. Вот здесь. На этом диване.

Люсси. Врешь?

Холин (беря портфель). Спроси Аню. Она не такая пошлячка, как ты, моя милая.

Люсси. Ты врешь. Аня не могла... этого сделать.

Холин. Факт... Ну, ты остаешься что ли. Я иду. (Уходя.) Безмозглая курица. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Люсси одна, потом Аня.

Люсси одна плачет от злости, потом хватает холинский галстук и топчет его. Входит Аня.

Аня. А, Люся!

Люсси. Аня, прости, я спрошу прямо. Это правда, что ты пригласила Женю... Наяду эту дурацкую... жить у вас?

Аня. Да... Ей жить негде. Подруга ее выставила.

Люсси. Я не понимаю, как ты могла это сделать?

Аня. А собственно, почему?

Люсси. Ведь это же глупо просто. Не притворяйся... Скинь с себя маску. Я же тебя вижу насквозь.

Аня. А тебя-то что так тревожит?

Люсси. Я думаю в данном случае только о тебе... Я удивляюсь.

Аня. А ты не удивляйся.

Люсси. Не могу не удивляться... Это дико, наконец. Ведь ты же сама толкаешь их друг другу в объятия.

А ня. А тебе-то что, куда я кого толкаю?

Люсси. Прости, дело идет не о ком-нибудь, а о тебе и о Леониде... Ты знаешь, как вы оба мне дороги?

А ня. Мерси.

Люсси. Ну, если такой тон...

А ня. Позволь тебя спросить. Чего ты, собственно говоря, суешь свой дурацкий нос не в свое дело?

Люсси. Что? Что?

А ня. Ты оглохла. Я могу повторить. Чего ты суешь...

Люсси. Если на то пошло, так это мое дело. Я не хочу, чтоб Леонид знался со всякими шлюхами. Ты должна признать, что я вела себя по отношению к тебе безукоризненно. Ты никогда даже не заставляла нас вместе. Ты могла бы...

А ня (беря со стола ножницы и щелкая ими). Я тебя очень прошу выйти и притворить дверь с той стороны.

Люсси. Подожди. Я никогда ни на что не претендовала. У меня у самой муж... Я люблю свою семью, но это в другом плане... А тут какая-то дура из Тополянска...

А ня. Ты уйдешь?

Люсси. Вот заразит он тебя... (Аня втыкает ей в руку ножницы.) А... А... Подлая...

А ня. Вон!

Люсси в ужасе с визгом убегает. А ня швыряет ей вслед ножницы, скатерть со стола и пепельницу.

Э А Н А В Е С

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната отца Геннадия в Тополянске. Вечер. На дворе вьюга

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Отец Геннадий и Данил Данилович играют в шахматы. Направо стол с самоваром и закусками.

О. Геннадий. Что ж, некоторым образом, шах.

Дан. Дан. Беру коня... Только и всего.

О. Геннадий. Ффу... ну-да... Прозевал..
(Играют.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Дарья Платоновна с запечатанным письмом в руке.

Дарья Плат. Можно?.. Никого еще нет? Моргунчику письмо от жены... У почтальона взяла передать...

О. Геннадий. Опять, некоторым образом, шах... Письмо от жены. Ффу.. ну-да.

Дарья Плат. Самоварчик у вас?

О. Геннадий. Да... а никто не идет... Налейте себе... некоторым образом... С метели-то.

Дарья Плат. Я не к тому про самовар заговорила... Я вот думала... Письмо бы распарить, да прочесть... Любопытно знать, что она ему пишет... Как-никак, мы его вот таким знали. Должны быть в курсе...

Те молча играют. Дарья Платоновна держит конверт над самоваром.

Дан. Дан. Пешку-то, пожалуй, проведу?

Дарья Платоновна вскрывает конверт и осторожно вынимает письмо. Читает про себя.

Дарья Плат. Интересно...

О. Геннадий. А что же, некоторым образом. (Оба перестают играть.)

Дарья Плат. (читает). «Милый Сашенька. Я совсем уже акклиматизировалась в Москве и, по словам всех моих знакомых (а их у меня теперь очень много, и все крайне талантливые люди), говорят, я вполне стала москвичкой. Платья свои я перешила и получилось вполне мило, просто, но модно. Уроки я беру, и голос мой, несомненно, развивается. Мне многие предсказывают блестящее будущее, тем более, что сейчас в театрах полный кризис голосов и крах сценической внешности. Я же высока достаточно ростом, что очень существенно. Вообще так жить, как мы жили до сих пор, конечно, нельзя. Заработок у меня есть, я делаю цветы для очень смешного еврея. Теперь я хотела поговорить с тобою серьезно. Мы не должны стеснять друг друга. Человек не должен себя подавлять, и я откровенно говорю, что сейчас мне нравится один человек, и я пользуюсь с его стороны большой взаимностью. Может быть, это просто чувственный каприз, но я не вдаюсь, ибо это была бы ненужная психология. Самоанализ отравляет жизнь. Но, Сашенька, я и к тебе, конечно, не предъявляю никаких требований. Мне будет даже приятно знать, что у тебя есть роман. Это не мешает мне любить тебя. Тот человек, которым я увлечена, женат и вполне счастлив с женою. Однако, я даже у них живу, и это совершенно ничего не значит. Сознание сво-

боды удивительно поднимает человека над уровнем обыденности, и многие находят, что я даже похорошела... Я, во всяком случае, твердо решила оставаться здесь, пока не стану певицей. Может быть, тогда мы оба с тобой устроимся здесь. Я вовсе не говорю, что мое теперешнее увлечение вечно. Это было бы пошло. Видишь, как я откровенна с тобою. Пойми меня, как тонкий человек. Любящая тебя Женя». (Кончив читать.) Я уж с собой и синдетикон прихватила (заклеивает). Вот они, дела-то какие.

Дан. Дан. Я бы ее... по моему характеру... В котле бы сварил... по моему характеру. На огне бы сжег...

О. Геннадий. Ну уж это, некоторым образом, больно жестоко. Фу. Ну-да.

Дан. Дан. Ничего не жестоко... Оголили ноги-то... эти самые шелковые... (топочет ногами). У!.. В порошок бы истолок, ноги эти переломал бы, да клещами, да клещами... Да клещи-то на жаровне бы раскалил... У, чулки бы эти самые шелковые взял бы, песком бы набил, да ее по щекам, раз, р-раз...

Дарья Плат. Царь Додон-то расхотелся.

О. Геннадий. Прямо, некоторым образом, Малюта какой-то Скуратов...

Дан. Дан. А пропади она... (о. Геннадию.) Спасибо тебе, что Татьяну свою уберег. Не болтлива и юбки носит приличные. Так ее и веди.

О. Геннадий. Замуж бы ее... Фу, ну-да.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Танечка.

Дарья Плат. Что, именинница, захопота-лась? Погоди. Может, скоро и в самом деле станешь гражданкой Моргуновой?

Танечка (вспыхнув). Вот уж ничуть не бывало-то!

О. Геннадий. Да... дела, некоторым образом... (Дан. Дан.) Сдаюсь. Фу... Ну-да.

Дан. Дан. Так ему и надо, подлецу... Вот она, личность-то... Освободилась личность-то. Тьфу... (Тане.) Я вот и отцу Геннадию говорил. Спасибо вам за ваше поведение.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же, Софья Львовна и две барышни, потом Моргунов.

Софья Льв. Здравствуйте, отец Геннадий. Погода... Снег так и крутит. По-моему, таких метелей в мирное время не было.

1-я бар. В ботиках итти сплошное мученье.

2-я бар. Танч... поздравляю и желаю счастья. Вот тебе шоколадка.

Дарья Плат. А я знаю, чего ей хочется. Какого подарка. (Шепчет Тане на ухо.)

Таня. Вот уж ничуть не бывало-то. (Входит Моргунов.)

Моргунов. Добрый вечер. Поздравляю вас со днем вашего ангела... Вот принес вам петушка своего изделия...

О. Геннадий. Очень искусно... фу... ну-да. И платят?

Моргунов. В Москву забирают партиями. Я наловчился быстро выпиливать. Коротая зимние вечера.

Дарья Плат. А ну-ка, Сашенька, давай сто рублей, я тебе одну штуку дам.

Моргунов. За что ж это сто рублей?

Дарья Плат. А вот, подумай... За что тебе сто рублей отдать не жалко.

Моргунов. Уж не знаю... такого, по-моему, и нет даже предмета.

Дарья Плат. *(давая письмо)*. А это, скажешь, не стоит. Эх, ты. А еще говорят: сердце сердцу весть подает.

Моргунов *(радостно)*. А... Вот это в самом деле приятно. Давно не имел.

Дарья Плат. Зато теперь, видишь, большое письмо.

Моргунов. О. Геннадий, я прочту... Извините. *(Отходит.)*

Моргунов читает, все с интересом следят за ним..

Дарья Плат. *(тихо Дан. Дан.)*. В лице-то меняется.

Дан. Дан. мычит утвердительно.

О. Геннадий *(тихо Софье Льв.)*. Замечаете, в лице-то он, некоторым образом.

Софья Льв. А что такое?

О. Геннадий. Да я ничего не знаю. Фу. Ну да.

Дарья Плат. (когда Моргунов кончил читать). Ну что же пишет?

Моргунов. Ничего особенного. Так, пишет, что здорова.

Дарья Плат. А что же насчет пения?

Моргунов. Ну вот... что мол учится.

Дарья Плат. Учится. Так... А что ж еще пишет-то... Письмо длинное. Я знаю, про что пишет... В любви, небось, изливается. Ага, покраснел... Сознайся. Угадала. Про любовь пишет?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Те же и Аффе.

Аффе. С именинницей... Танечка, поздравляю вас. Желаю вам выиграть сто тысяч... или полет вокруг света...

Дарья Плат. Тогда уж на две персоны полет, она одна не полетит. (Аффе.) Ишь, вы с морозу-то какой розовый.

Аффе (смущенно). Сейчас я проходил мимо дома Сырчука. По-моему, он опять Шурочку бьет. Я не понимаю... Неужели нельзя меры принять?

Дан. Дан. За дело бьет... Со всеми блудила, а теперь, накося—овечкой какой обернулась.

Дарья Плат. При Моргунчике-то Шурочку не браните. Он ее, видите ли, покровитель.

Моргунов. Не покровитель, а мне ее глубоко жаль. Ее прошлое меня не касается, а настоящее ее кошмарно.

Дарья Плат. Ну пусть будет так... Я спорщица плохая. Так больше ничего не пишет. (Берет карты.) Погадать что ли?

А ф ф е. Я верю в гадания. Моя мать, можете себе представить, погоду по картам предсказывала вернее всякого барометра.

Дарья Плат. Вот я на Танечку погадаю. Ты будешь, стало-быть, червонная дама.

О. Геннадий. Да нешто она червонная?

1 - я бар. Конечно, блондинка.

2 - я бар. Танька пепельная.

Дарья Плат. Червонная. Червонная. (Раскладывает.) Гм... Большой интерес к тебе имеет трефовый король... Большой интерес... Да и ты к нему, к королю-то, равнодушна. Так карты говорят. Я ведь не свое мнение высказываю. Интересуется еще трефовый король трефовой дамой, только он это зря. Она на него нуль внимания. У нее свой король завелся. Бубновый. С трефовой дамой будут ему одни хлопоты. Только трефовая дама далеко живет. И бог с ней. И нечего о ней сокрушаться. Трефовый король человек умный. Ну, погорюет немного, да и влюбится в червонную. А червонная дама скромная, семейственная. Хвостом не крутит... по Крымам не ездит...

Молчание. За окном вьюга.

О. Геннадий. Фу... ну-да. (Он смущен, так же, как и все.)

Моргунов вдруг фыркает и начинает хохотать.

Д а р ь я П л а т. (с досадой). Ну чего залился?

Д а н. Д а н. Заржал... мерин сивый. (Хохот усиливается.)

Д а р ь я П л а т. Вот дурень... Вот... дубина... Ну, чего... ну, чего... В письме что ли вычитал такое веселое... Это, граждане, его так Женичкино письмо развеселило... Что-то, должно-быть, Женичка ему веселое написала. Должно-быть, она в Москве-то по театрам, по балам, по ресторанам самым лучшим... На тройках к цыганам, мускат свой, небось, распивает... Вон он, как хохочет... Во ему, как весело. А действительно, ведь смешно. Он вот здесь, в Тополянске, собачек да петушков выпиливает, а она там, в Москве, песенки поет... Да еще слаще-то всего, он-то тут один... а она-то там вдвоем... с Альфонсом.

М о р г у н о в вдруг перестает смеяться, наступает тишина.

М о р г у н о в (помолчав). А вы все-таки, Дарья Платоновна, большой руки стерва.

Заминка.

Д а р ь я П л а т. Ничего, отец Геннадий, я на него не обижаюсь. Я ему очень сочувствую.

О. Г е н н а д и й (откашливаясь). Чайку-то, некоторым образом, ффу... ну-да.

Д а н. Д а н. (тихо о. Геннадию). Задело-таки его за живое.

А ф ф е (смущенно). Бывало вот в такую метель по Москве из Сокольников к Серпуховским воротам... и еще за плечами мешок с мукой или с пшеном.

Софья Львовна. Ужасные годы... Я всегда цепенею при одном воспоминании. (Тихо Дан. Дан.). Как это он ее так обозвал, а она ничего...

Дан. Дан. (тихо). Он тут в историю одну влип... Потом скажу.

1-я бар. Таня, пироги ты пекла?

Дарья Плат. Хотя я и стерва, а уж вы мне положите кусочек пирожка с капустой... (к Афффе). А вы что ж? Я люблю, когда мужчины едят.

Афффе (смущенно). Прекрасное тесто. Но все-таки такого теста, какое умела делать моя мать, я еще нигде не ел.

Дарья Плат. (Дан. Дан.). А вы заметили, как я про бубнового короля-то заговорила, он весь так и перекосялся... (Тане.) Налей-ка мне, стерве, чайку чашечку.

1-я бар. В птиже давайте играть.

О. Геннадий. А как это, некоторым образом?

2-я бар. Платочек друг дружке кидать и в рифму говорить.

О. Геннадий. Фу, ну-да. Любопытно, кто все это выдумывает?

Афффе. Это хорошая игра... И каждый может называться каким-нибудь цветком.

1-я бар. В этой игре это вовсе не обязательно.

О. Геннадий. Ты кидай платок-то, некоторым образом. Посмотрим.

1-я бар. (кидает платок Дан. Дан.). Зима.

Дан. Дан. Ну, что-ли... чума.

2-я бар. Фу, какая мрачная рифма. Теперь вы кидайте.

Дан. Дан. (кидает платок). Ну... самовар.

2-я бар. Э... э... э... Ягуар.

О. Геннадий. Ловко... Фу, ну-да... Можно еще бульвар...

Афффе. Комар.

2-я бар. (Тане). Любовь...

Таня. Э... э...

Дарья Плат. Моргунов.

Дан. Дан. (неожиданно). Вот уж ничуть не бывало-то.

Стук в окно, дверь и крик.

О. Геннадий. Это что... Некоторым образом.

Крик: „Спасите!“

Моргунов. Шурочка!

Кидается отпирать. Все стоят напряженно.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Те же и Шурочка. Моргунов вводит Шурочку, она в шубе поверх рубашки, в одних чулках.

Шурочка. Ой, спасите... (Грохот в дверь и пьяный крик: «Отпирай».) Убьет, честное слово убьет... я уже бросилась прямо на свет к вам... Он было меня... (Стук в дверь.)

Д а н. Д а н. Г м... Безобразие...

Д а р ь я П л а т. Таня, ты бы ей валенки принесла...

М о р г у н о в (гневно). Его надо... в милицию... Сволочь... Хам.

Ш у р о ч к а. А все-равно я ему не дамся... На куски пусть режет... Не дамся ему... Вот ни под каким видом... Хоть ты тут тресни, разорвись. Не дамся.

О. Г е н н а д и й. Вы при барышнях-то, некоторым образом. (Крики смолкают.) Никак ушел?

Д а р ь я П л а т. Небось, спать пошел. Он ведь человек. добродушный... А, конечно, зло его берет... Чем мол он хуже других...

Ш у р о ч к а. Вот не дамся ему... Подохну лучше... Не пойду домой...

Д а р ь я П л а т. Где ж ночевать-то будешь... С Сырчуком-то связываться, пожалуй, никто не захочет...

О. Г е н н а д и й. Он... некоторым образом, пьяный-то... Убить может. Фу. Ну-да.

А ф ф е. Это совершенный зверь под влиянием алкоголя.

Д а р ь я П л а т. А я тебе вот что скажу... Тебе, не при барышнях, будь сказано, беречь давно уже нечего... Человек он в общем ничего. Он тогда, может, и пить бросит...

Ш у р о ч к а. Да не желаю я с ним. Не пойду. Чего вы вздумали?

Дарья Плат. А ты не кобенься... Я, конечно, стерва, а все-таки и хороший совет могу дать... ты уступи...

Моргунов. Господа. Я думаю, что это, в конце концов, ее частное дело.

Шурочка. Подохну... вот. На месте подохну, а не уступлю.

Дарья Плат. Частное дело, да не совсем... Жить-то ей где-нибудь надо... Кому охота Сырчуку под нож лезть... А ты, Шурочка, успокойся... да и ступай.. Он, увидишь, сразу протрезвеет. Ну что ты из себя институтку корчишь... Ведь, кто другой, а мы-то все знаем... Ну, конечно, если так с любовной точки зрения, Кочмарев был попримглядистее.

Шурочка. Не смейте про Кочмарева зря болтать... Я, может, его так любила, чтоб вот подохнуть на месте... Я, может, ему всю свою молодость отдала, всю свою красоту пожертвовала. Я за ним вон, за Кочмаревым-то, в огонь и в воду шла, всю гражданскую войну на свои плечи приняла, как ад'ютант при нем состояла, под пули, под шрапнели лезла... Что ты мне будешь еще говорить... Ты... сволочь, болтунья, язык ядовитый... Что ты мне смеешь говорить про любовь мою прежнюю... Как ты меня обвинять еще смеешь... Тебя-то саму, ведьму старую, кто любил. Да ты разве знаешь, какая она, любовь-то... Думаешь, знаешь... Да. Думаешь, взбила перину до потолка на двоих, так уж это любовь?

О. Геннадий. Эй... при девицах-то... Фу, ну да...

Дарья Плат. Она, отец Геннадий, привыкла с солдатами-то пьяными.

Моргунов (*кричит*). Не смейте так говорить... Я ведь понимаю... Подлость вашу отлично всю чувствую. Письма чужие читать. Рады, что Женя в Москве кого-то полюбила... Ну и полюбила. И я рад за нее. Если только счастлива она в самом деле... Вам только бы всех оскорблять, да высмеивать... Шурочка... Вы не слушайте их... Это все удивительные подлецы.

Дан. Дан. Эй ты, однако. Морда, что ли, зачесалась?

Моргунов. А я прямо говорю. За то, что она красный поход с Кочмаревым сделала, я ее уважаю.

Дарья Плат. Рехнулся... окончательно рехнулся.

Моргунов. И всегда я говорил... Единственная женщина она у нас, достойная полной любви.

Дарья Плат. Что ж. Честным пирком, да и за свадебку. Меня только, стерву, не зови. Не приду.

Шурочка (*вдруг*). А ну вас всех. Пойду, да в прорубь... (*Убегает.*)

Моргунов. Куда же вы... в чулках одних... Шурочка! (*Бежит за ней.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Те же без Моргунова и Шурочки.

О. Геннадий. Запереть за ними (идет в сени). Фу... ну-да...

Дан. Дан. (глядя в темное окно). Что-то там... словно огонь?

1-я бар. Ой... страшно как...

Аффё. Не надо пугаться...

2-я бар. Горит... горит... Я боюсь... ужасно боюсь. Боюсь...

О. Геннадий (входя). Сырчуков дом... некоторым образом... горит...

Дарья Плат. Ой... это он спяну.

2-я бар. (кидаясь на диван и уткнувшись в подушку). Боюсь. Боюсь. Пожар...

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Комната Холиных. Вечереет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Аня поет за роялью, Холин ходит по комнате.

Аня (*переставая петь*). Чего ты злишься?

Холин. Я нисколько не злюсь.

Аня. Ты ходишь так, когда злишься... И морда у тебя злая.

Холин (*глядя на себя в зеркало*). Морда, как у всякого каторжника. Я ведь каторжник.

Аня. Почему?

Холин. Потому что на мне кандалы... Я чувствую, что я связан по рукам и по ногам... Вообще гнусь.

Аня. Да в чем дело... Ведь Няяда, кажется, сдала позицию?

Холин. Ну, один раз в ресторане... Ты знаешь, Аня, я хотел поговорить с тобой серьезно. По-моему, она тебя стесняется. Она вбила себе в голову, что тебе это неприятно... Надо считаться с ее провинциальностью. Это очень глупо, но это так.

Аня. Дурочка.

Х о л и н. Если хочешь, в этом есть своя прелесть. Слушай, Аня, поговори с ней... объясни, что это совсем в другой плоскости... Одним словом, дай ей понять, что ты все знаешь и... ничего... Растолкуй ей свою точку зрения на это дело...

А н я. Чего ж ты злился. Сказал бы давно.

Х о л и н. Ну, вот я не решался... Это тоже пошло. Я говорю, что на мне надеты всяческие кандалы... Тсс. Она идет. Я спрячусь. Мне интересно послушать. *(Идет за занавеску.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

А н я, Ж е н я, Х о л и н *(за занавеской)*.

Ж е н я. Вообрази—заплатил.

А н я. Здорово. Я тебе говорила, что он на самом деле гораздо честнее, чем с виду... Ты знаешь, между прочим, я уеду на двое суток... Нас пригласили играть в Иваново-Вознесенск. Вам с Леонидом будет полное раздолье. Медовый месяц.

Ж е н я. Аня, что ты говоришь?

А н я *(поет)*. «Но я шутки эти знаю

И я их не возбраняю... Ла, ла, ла...»

Глупая... ведь я же отлично все знаю... Неужели ты, в самом деле, воображаешь, что мне это неприятно?

Ж е н я. Я... мне казалось... Прости, Аня.

А н я. Я, моя милая, обладаю способностью здраво смотреть на вещи. Нелепо требовать от Леонида, чтоб он всю жизнь имел дело только

со мною... Так же, как и с его стороны, было бы довольно дико требовать этого от меня... Ведь мы женаты семь лет... Неужели ты воображаешь, что я могу семь лет испытывать к нему страсть. А когда нет страсти, естественно, нет и ревности... Если бы я вздумала стеснять его свободу, я бы этим отрезала себе всякие возможности. Ради чего? Мне даже очень на руку, когда он кем-нибудь увлекается. Я могу с чистой совестью давать волю своим порывам... Иметь верного мужа! Какой ужас... Тогда нужно и самой быть верной, хотя бы из любезности... Это не в моем характере.

Женя. Аня... ты совсем... совсем особенная женщина... Я прямо преклоняюсь перед тобою.

Аня. Чепуха... Надо просто ясно отдавать себе отчет в своих чувствах. Ну, с какой радости я бы сейчас стала вам препятствовать. А вообрази, сегодня я встречу человека, который взволнует меня... по настоящему пробудит опять мою страсть... И я буду подавлять в себе это живое чувство и, зевая, обниматься с Леонидом. Довольно глупо.

Женя. Какая ты умная... вообще, чудная... (Целует ее.) Значит, ты не сердишься на меня?

Аня. Я не понимаю, ну как можно себе вообразить такой вздор...

Женя. Прости, я глупая.

Голос за дверью: „Гражданку Моргунову к телефону“.

Женя. Это, наверное, еще заказ.

Аня. Великолепно...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Аня и Холин.

Холин сумрачно выходит из-за занавеси.

Аня. Довольны, маркиз...

Холин. Да... спасибо... Но я не знал, что у тебя есть порывы, которые подавляются моим присутствием.

Аня. Напротив, именно не подавляются.. ведь ты же смотришь на вещи так же, как и я...

Холин. Ну, разумеется... Я полагал все-таки что твоя страсть ко мне не остыла.

Аня. Это я ей сказала, чтоб еще больше развязать ее.

Холин. Но ты меня поставила перед ней в довольно идиотское положение...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Женя.

Женя. Еще на двадцать рублей. (Холину.) Ты разве дома?

Холин. Да... я был... в ванне... (Резко повернувшись к Ане спиной.) Хочешь погулять? Чудная погода.

Аня. Пойдите на Девичье поле, там сейчас изумительно... Иней, солнце заходит... Я обожаю март.

Холин. Идем. Идем.

Женя. Надо только по дороге зайти за цветами... На обратном пути.

Холин. Можно... Не канителься только...
Есть свободный час, надо пользоваться... (Он ухё-
дит, не поглядев на Аню.)

Женя. А ты, Аня?

Аня. Мне надо разучивать арию... (Смеется.)
Иди, уж... Иди.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Аня одна, потом Дроздов.

Аня садится за рояль и поет, хотя голос у нее обрывается,
Затем она вдруг начинает плакать навзрыд. Стук в дверь.

Аня (утерев слезы). Кто там еще?

Дроздов (заглядывая). Очень извинюсь.
Я могу видеть Марину Тоскану?

Аня. Это я... Ну?

Дроздов. Извиняюсь, я, может быть, не во-
время?

Аня. Да, я очень занята. В чем дело?

Дроздов (входя). Тогда позвольте оста-
вить... а я сам в другой раз. (Протягивает сверну-
тую в трубку рукопись.)

Аня. А это что такое?

Дроздов. Это, конечно, романс. Я компози-
тор Дроздов. Из молодняка. Я из Саратова при-
ехал и вот написал романс. А в Москве у меня
знакомый есть, Фигин, он вас, конечно, знает. Мо-
сква — город до чего громадный... а я как раз
урбанист... Я, конечно, в Саратове консерваторию
окончил. Но я извиняюсь. С приветом.

А н я (беря рукопись). Это вы что ж? Мне посвятили?

Д р о з д о в. Я вас на концерте слышал и произвел на вас большое впечатление.

А н я. Вы на меня?

Д р о з д о в. Извиняюсь, я на вас... то-есть, вы на нас.

А н я. А слова чьи?

Д р о з д о в. Одного нашего парнишки. Он, талантливый. А тут вся сила, конечно, в сопровождении. Ежели бы позволили. Я быстренько.

А н я. Ну, хорошо. Только вы, пожалуйста, так не нервничайте.

Д р о з д о в. Я, конечно, очень молодой. (Он садится за рояль.)

Наступают постепенно сумерки.

А н я. Подождите. Я дверь запру, чтоб не мешали.

Д р о з д о в. Извиняюсь. (Он играет, подпевая мелодию.)

А н я. Чудно. Чудно. Такой молодой и такой высокоталантливый.

Д р о з д о в. Ну - у! Взаправду понравилось вам? Я не ждал. Вот спасибо вам. Я, конечно, по молодости, все имею разные сомнения. А вдруг это и вовсе не мое дело композитором быть, может быть, мне по стопам отца итти. Мой отец, конечно, был ремесленник.

А н я. Поверьте мне, что у вас большой талант.

Дроздов. Кому же и верить, как не вам. Я ведь человек вовсе одинокий. Не с кем посоветоваться. Живу я просто в общежитии, а там публика озорная. Все пьют. Девчонки. Извиняюсь. Инструмента нет, ну и стоит вся работа (*гладит рояль*). Вот у вас Бехштейн какой замечательный. Видать, еще довоенного времени.

Аня. А вы приходите к нам... Днем инструмент свободный...

Дроздов. Ну что вы... Я очень извиняюсь. Вы больно добры.

Аня (*гладит его по голове*). Славный какой мальчугашка, талантливый.

Дроздов. Я... мне... Просто вот выразить не могу... Ехал я в Москву и, конечно, все сомневался... Страшно было... Город огромный и красивый центр искусства. Консерватория здесь до чего громадная... И вот вы меня вдруг так похвалили... У меня, извиняюсь, просто какое-то волшебное впечатление... Не то крылья какие-то выросли... не то... конечно, полная надежда на грядущее будущее... Счастливая утопия какая-то. Не знаю, как благодарить вас. (*Делает движение.*)

Аня. Ну...

Дроздов. Извиняюсь... я... руку вашу хотел поцеловать.

Аня (*хохоча*). Пожалуйста... Разве так целуют? Руку берут вот так... Молодец!

Дверь дергают, Голос Холлина: „Аня, ты дома?“.

А н я. Отоприте.

Дроздов. Сию минуточку. (Аня бежит за занавеску.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дроздов, Аня (за занавеской), Холин и Женя.

Холин (видя Дроздова). Виноват. А где же Анна Сергеевна? (Зажигает свет.)

Аня (выходя). Я здесь... (нарочито смущенно поправляет волосы). Леня, вот познакомься: композитор Дроздов. (Дроздову.) А это мой муж.

Холин (холодно). Очень рад. (Женя идет в свой угол.)

Аня (Дроздову). Стало-быть, вы завтра приходите к нам днем. Рояль, повторяю, к вашим услугам.

Дроздов. Спасибо вам. Извиняюсь. С приветом. (Уходит, зацепившись за ковер.) Извиняюсь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же без Дроздова.

Холин. Что это за гусь? Комсомолец, что ли?

Аня. Это... композитор.

Холин (тихо). А почему ты была за занавеской? Почему ты дверь заперла? В чем дело?

Аня. Я не знаю, Леня, что со мною. Ты, конечно, поймешь меня. Он такой смешной... и непосредственный. (Хохоча.) Ах, Леня, весело жить

на свете. Женичка. Иди сюда. Я тебя поцелую... (Обнимает Женю.) Ах, Леня, до чего ты прав. Я только теперь начинаю понимать по-настоящему, какое счастье в свободе... в любовной свободе. Честное слово, я сейчас полегчала пуда на два... (Обняв Женю, напевает и крутит ее).

Х о л и н (влезает на стул и отворяет форточку). После своих Бетховенов, пожалуйста, проветривай помещение.

З А Н А В Е С

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Та же обстановка. День.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Х о л и н сидит на диване, Ж е н я делает цветы из пестрых лоскутов, Д р о з д о в, спиною к ним, играет на рояле.

Х о л и н (после того, как он всячески выражал свое нетерпение). Послушайте, вы не могли бы случайно потише играть?

Д р о з д о в (поворачиваясь на вертушке). Извиняюсь, это фортиссимо.

Х о л и н. А вы бы лучше пианиссимо.

Д р о з д о в. Сейчас будет и пианиссимо (играет снова). Вот тут пианиссимо.

Х о л и н (насмешливо). Очень приятно... (Тихо Жене.) Ну, один месяц я терпел... но второй месяц... Чорт его дерит...

Обнимает и целует Женю. Музыка умолкает, и поцелуй раздается громко. Д р о з д о в невольно оглядывается,

Х о л и н (сердито). Ну, в чем дело?

Д р о з д о в (смущенно). Тут фермата... (Опять играет, потом встает.) Товарищи... вы мне, я вас очень прошу, откровенно скажите... Вам понравилось?

Х о л и н. А это как называется, товарищ?

Д р о з д о в. То-есть, в каком смысле называется?

Х о л и н. Ну, что это? Соната, этюд, полька, галоп?

Д р о з д о в. По форме, это, конечно, соната. Мне тут, товарищи, одну свою мысль хотелось выразить... И вот я так и не знаю, удалось мне или не удалось. Вот сначала это у меня деревня. Ручеек, пастух на рожке играет, стадо идет. Это вот у меня отделано. Стало-быть, первая часть. А потом начинается как бы распространение урбанизма. Заводы, поезда и, конечно, социальная революция. Тема идет: «Дружно, товарищи, в ногу». И стук, конечно, молота. И бодрость во всем этом необыкновенная. Надо так, чтоб сидеть было публике невозможно, если, конечно, хорошо сыграть. И в то же время тут вот такое вкраплено (наигрывает). Понятно, что это?

Х о л и н. Птички что ли поют?

Д р о з д о в. Это, конечно, очень субъективно. Я этим как бы выражаю мелкий буржуазный уют. Видите (играет) и вдруг (берет громкий аккорд) пафф!.. Первый выстрел Октября. Только это еще, конечно, не обработано. Сырой материал. (Он

взволнованно делает несколько шагов взад и вперед.) Извиняюсь. Я за папиросами сбегаяю. Вам, товарищ, не купить?

Холин. Нет, товарищ, мерси. (Дроздов уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Холин и Женя.

Холин. Типичный сукин сын.

Женя. А мне его жалко. Он такой добрый.

Холин. Ну, конечно. Может, ты еще в него влюблена?

Женя. Не влюблена, а не вижу причин его ненавидеть.

Холин. О вкусах не спорят... Кстати, по-моему, он к тебе неравнодушен.

Женя. Он боготворит Аню.

Холин. Разве теперь это называется боготворить? Есть более подходящее слово.

Женя (кладет цветы в коробку). Почему ты такой грустный за последнее время? Ты так ждал весны... А сам какой-то унылый.

Холин. Так... не знаю... (Обнимает ее.)

Женя. Мне иногда странно подумать. Неужели я стану знаменитой певицей?

Холин. А что ж. Чем черт не шутит.

Женя. Как тогда разозлятся все наши тополяские жители. Ведь они меня все терпеть не могут. Там есть один тип Данил Данилович. Вдруг он приедет в Москву и увидит на афише...

в главной роли Моргунова... Лопнет. Просто лопнет от злости.

Холин. Я вот тоже скоро лопну от злости из-за этого идиота... (Изображает, как Дроздов напевает.) Пошлейшие мотивы какие-то... бррр...

Женя (мечтательно). Ты знаешь, Лен', я не уверена еще, но мне кажется, что я в таком положении... Если это так... Что делать?

Холин (зевая). Это пустяки. Аня даст тебе адрес. Она себе восемь аборт^{ов} сделала.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Аня.

Аня. А где же Людвиг ван-Дроздов?

Холин. Я почему знаю. Что я ему нянька что ли?

Женя. Пошел за папиросами.

Аня. И, наверное, без галош. Так и есть. Ну и дрянь. Дождь как из ведра. И так кашляет. Я все-таки, господа, нахожу, что у него очень плохое здоровье.

Холин. Нельзя ли поговорить о чем-нибудь более интересном?

Аня. Сейчас будем обедать. (Накрывает.) Марья, конечно, ушла нарыв себе резать... это у нее обратилось в привычку.

Холин. Ты бы кстати как-нибудь ему объяснила, этому... композитору что ли, что нельзя так чавкать. Он мне аппетит портит.

Аня. Никогда не замечала.

Холин. Совершенно, как собака, чавкает. Точно у него во рту шестерня какая-то... помешался на своих заводах... и кузницах.

Аня. Это твое воображение. *(Идет в кухню.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Холин и Женя, потом Дроздов и Аня.

Холин *(глядя в окно)*. Банальнейший московский вид. Скучнейший город, даже весной. Галки, кресты, а теперь еще эти антенны идиотские... Словно кто-то в пряник спичек натыкал. *(Оборачивается к Жене.)* Что с тобой?

Женя *(вытирая слезы)*. Совершенно ничего.

Холин. Начинаются таинственные умолчания. *(Хочет ее обнять, входит Дроздов.)*

Дроздов. Извиняюсь, не постучал... Погода... Дождь теплый... Скоро все зазеленеет... с моей точки зрения.

Аня *(входя)*. А, вот он. Почему без галош ходили?

Дроздов. Да ведь я рядышком... В два счета слетал...

Аня *(накрывая)*. Ну уж ладно. Про-ошу. Граждане. Сегодня у нас обед—монстр. Борщ с вотрушками и жареная телятина. Плиту топили.

Дроздов. Здесь на углу переулка асфальтовый котел и в нем, конечно, трое мальчишек беспризорных. Кошмарное впечатление. Ну, как из них, посудите, воспитать полезных граждан? Вот уж ударная задача...

Холин. А вы займитесь на досуге.

Дроздов. Я вот и решил. Папирос не купил, а деньги отложил... И так я буду всегда. Как захочется курить, так деньги и отложу... Буду вносить в фонд. (Холин незаметно для него стучит по лбу и по столу.)

Аня. Ну, сейчас несу суп.

Дроздов. Извиняюсь, я помогу. (Они уходят.)

Холин (поправляя с яростью воротничок). Жмет все. Ч-чорт. Скоро, кажется, буду в ресторане обедать.

Женя. Леня... а ты не ревнуешь?

Холин. Не смей говорить мне таких пошлостей... тоже (тихо) идиотка.

Входит Дроздов с миской, за ним Аня с вотрушками.

Аня (поет). «Несут, несут, несчастного несут».

Дроздов (ставит миску). Пожалуйста, Евгения Петровна, борщ ваш любимый.

Все садятся и едят молча. Холин вдруг перестает есть.

Аня. Ты что?

Холин. Так... что-то расхотелось.

Аня. А, по-моему, чудный борщ.

Дроздов. Борщ, что надо. Я такой только на Украине ел.

Холин. Тем хуже, что я лишен возможности им услаждаться.

Дроздов. Вы, повидимому, желудком бьетесь. Надо лечиться. У нас в двадцатом году один

профессор изжогами страдал. Что не с'ест, все, говорит, ровно угольев горячих наглотался. Соду пил, хоть бы что. И, вообразите, помог простой фельдшер.

А н я. У меня бывает изжога. Чем же он его вылечил?

Д р о з д о в. Частыми клизмами.

Х о л и н. Нельзя ли переменить тему разговора?

А н я (хохоча). Чудак вы все-таки ужасный.

Д р о з д о в (сконфуженно). Право, простой фельдшер.

А н я. Вы лучше расскажите, что вы сегодня насочинили.

Д р о з д о в. Первую часть сонаты отделал. Я вот им играл. Товарищ Холин ничего... Кажется, одобрил.

Х о л и н. Меня, между прочим, зовут Леонид Николаевич. Это я так. В порядке справки.

Д р о з д о в. Я знаю... Извиняюсь. Такая привычка. Теперь все «товарищ». (Холин встает из-за стола.) Евгения Петровна, вы словно без аппетита.

А н я. А второе ты разве не будешь есть?

Х о л и н. Нет.

Д р о з д о в. Я сейчас посуду снесу и жаркое принесу.

А н я. Подождите, я вам дверь открою.

Д р о з д о в. Не надо. Я приспособился. Вот так: ногой (уходит с посудой).

А н я. Отчаянный комик. Я с ним прямо слабею от хохота. Интересная его соната? Тебе, правда, понравилась?

Х о л и н. Между прочим, Аня, я должен тебя предупредить, что пока этот идиот будет здесь торчать, я обедать вообще не буду.

А н я. Во-первых, он вовсе не идиот.

Х о л и н. Нет, идиот. Я не знаю, какие у него там другие свойства. Об этом тебе, конечно, лучше судить.

А н я. У него много достоинств.

Х о л и н. Я и говорю, что тебе это лучше знать. Но с тех пор, как он появился, я себя чувствую в гостях в своем собственном доме. Я этого не желаю.

А н я (*медленно и строго*). Почему я этого не говорю.

Х о л и н. То-есть.

А н я. Я вот тоже не знаю, кто у кого в гостях, она у меня...

Ж е н я. Анечка.

А н я. Или я у нее. Однако, я не спрашиваю.

Голос Дроздова: „Извиняюсь, дверку откройте“.

А н я. И не протестую.

Голос Дроздова: „Никак дверку не открою, извиняюсь“.

А н я медленно идет и отпирает дверь.

Д р о з д о в (*входит с телятиной*). Очень большой противень. И на пол не поставишь. Вот. (*Холину*.) Может быть, соблазнитесь?

Х о л и н. Очень вам признателен за любезное приглашение, но я предпочитаю отказаться.

Д р о з д о в. Хозяйка должна нарезать. Ножи-чек я поточил.

А н я. Вы к кому обращаетесь?

Д р о з д о в (*протягивая ей ножик*). Телятину нарезать.

А н я. Я не знаю, кто тут хозяйка.

Х о л и н. Аня, это черт знает что. Уж если на то пошло, я действовал с твоего согласия... (*Пауза.*) Чтоб он убирался к черту сию же минуту. (*Ане тихо.*) Развратная баба. (*Пауза.*)

Д р о з д о в. Извиняюсь... Я, конечно, уйду... Извиняюсь... (*Берет с вешалки свое пальто и шапку.*) Извиняюсь... (*Уходит.*)

А н я тоже идет к вешалке.

Х о л и н. Аня... Куда ты?

А н я. Пусти.

Х о л и н. Аня... как это глупо, неужели ты не понимаешь. Ну я с дуру так сказал. Прости... Анечка... Я не могу без тебя. Я же не могу...

А н я (*смерив его взглядом*). В таком случае... и она пусть уйдет.

Ж е н я. Я уйду... (*Идет в свой угол, потом быстро надевает пальто и шляпу.*) За вещами... придут.

Х о л и н (*вкрадчиво, не глядя на нее*). Я... вам их доставлю... К вашей подруге. (*Женя уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Холин и Аня. Долгое молчание.

Аня. Будешь есть телятину?

Холин. Дай кусочек. *(Осторожно садится и ест.)* Картошка очень вкусная. У тебя сегодня нет спектакля?

Аня. Нет. *(Молча едят.)*

Холин. Знаешь, что? Давай сегодня посидим спокойно. Я лягу на диван, а ты почитай мне вслух какой-нибудь английский роман. Знаешь, такой роман, чтоб топился камин и все время ели пуддинг. Приятно будет почитать под дождик. Правда. Как я люблю тебя *(встает и обнимает ее)*. Женичка, милая!

Аня. И ступай к ней. К ней ступай, мерзавец.

Холин. Я оговорился. Я оговорился. Идиот. Сволочь. Действительно, мерзавец... Анечка. Я оговорился.

Аня. Какая-то дура, провинциалка.

Холин. Конечно, дура.

Аня. Вообразила, что у нее есть голос... Курица какая.

Холин. Но сознайся, что и твой этот бездарен, как палка.

Аня. Ну, если ты и в самом деле воображаешь, что он мой...

Х о л и н (*страстно ее обнимая*). Я подозревал...
я подозревал... Я только боялся... Значит, ты, дей-
ствительно, нарочно?

А н я (*лаская его*). Ну, конечно, дурачина...

Голос Дроздова: „Извиняюсь, товарищи. Нотки мои“.
А н я молча встает, берет толстую тетрадь, швыряет ее за
дверь и поворачивает ключ два раза.

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Обстановка первого действия. Вечер.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Моргунов пишет письмо, Шурочка зашивает посылку.

Моргунов (*кончив писать*). Прочешь тебе, что я написал?

Шурочка. Саша... Это как ты хочешь. Я не требую этого.

Моргунов. Я знаю, что ты не требуешь, но я просто хочу посоветоваться с тобой как с умной женщиной. Вот как я написал: «Дорогая Женичка,—я ее называю дорогой, ибо это так принято писать, обычно я ее называл в письмах «драгоценный Женюкович».—Дорогая Женичка. Посылаю тебе твои летние вещи, ибо понимаю, что самой тебе из деликатности, может быть, неприятно писать об этом. Пишу тебе, что ты можешь теперь чувствовать себя вполне свободной и не думать обо мне, ибо я увлекся одной другой женщиной. Семь лет, которые прожили мы вместе, я

вспоминаю с глубоким чувством благодарности и даже признательности. Даже удивительно, что такой случайный брак, каким в общем был наш, мог дать такие долгие результаты. Может быть, это был самообман с обеих сторон, и теперь мы оба нашли настоящее чувство. Во всяком случае, у меня остались о тебе самые лучшие воспоминания. Целую. Твой А. Моргунов».—А обычно я подписывался: «Твой Обнимулькин».—Ну, как по твоему?

Шурочка. Ну что ж... Ты ее, однако, в конце концов, все-таки целуешь?

Моргунов. Это тоже обычный способ... Как же еще закончить?

Шурочка. Напиши: «Целую тебе руку». А то просто «целую»—получается в губы.

Моргунов (*подумав*). Ты думаешь? Придется переписать. Неудобно вставить «тебе руку». Но в общем ты одобряешь.

Шурочка. По-моему, очень деликатное и приличное письмо.

Моргунов. А главное, что приятно, что это чистейшей воды правда. Мы друг друга по-настоящему не любили. То-есть она меня, конечно, не любила... А я к ней с самого начала чувствовал жалость и словно материнское чувство. Ведь я познакомился с ней в Москве в голодные годы... Метель, холод, мать у нее только что умерла... Она одна... Мы с ней в очереди познакомились. А у нас в Тополянске было тогда сытно. Я в Москву

ездил в командировку. Стало мне ее ужасно жалко.

Шурочка. Мы знаем. Вы у нас милый, добренький.

Моргунов. Но она всегда была ко мне как-то холодна. Настаивала сначала на платоническом браке. В сущности, настоящую женскую любовь я нашёл только в твоём лице. И заметь, наша любовь сразу дала результат.

Шурочка. Зато мы страшно любим эту вот мордочку. *(Прикусывает губами его за нос)*. Люблю жевать вам носик. Такой солёный.

Моргунов. Мне даже не верится, что кому-то нравится мой нос.

Шурочка. И руки чудные *(целует ему руки)*.

Моргунов. Ну, самые обыкновенные руки.

Шурочка. Для меня необыкновенные. Вот этот пальчик любимый. *(Вдруг целует его в губы)*. Любишь меня? Говори. Любишь?

Моргунов. Просто... ужасно люблю. Замираю... Точно с горы еду.

Шурочка. И ее совсем не любишь?

Моргунов *(вдохновенно)*. Я тебе откровенно скажу... До сих пор у меня к ней это материнское чувство... Если она счастлива, мне приятно... Я так люблю тебя, что мне тяжело было бы знать, что ей плохо...

Шурочка. Я это вполне понимаю. Когда любишь кого, так всех людей жалеть начинаешь.

Моргунов. Понимаешь. Я знаю, что ты все поймешь.

Шурочка. Моргунчик мой благородный... Только все-таки ты иногда кислятиной бываешь...

Моргунов (смущенно). Я сознаю. Нет у меня характера.

Шурочка. Говоришь о светлом будущем, а где твоя активная работа? Петушки, да лошадки.

Моргунов. Одному, Шурочка, трудно. Ключют... Ох, как ключют!

Шурочка. Я бы на твоём месте их клюнула... Ну ладно. Знаешь что, я сейчас сбегая к Робинзону, куплю пирожных. Тебе с кремом или эклерку?

Моргунов. Если есть,—бизэ или рассыпчатое.

Шурочка. По две штуки.

Моргунов. Ладно. По две.

Шурочка. Лихо чайку попьём. А вечером на лодке.

Моргунов. Но я боюсь, что ты простудишься. В твоём положении...

Шурочка. На четвертом месяце не опасно.

Моргунов. Ну, как сказать... это, знаешь ли, бабушка вилами на воде писала!

Шурочка. Лунные ночи. На реке уж очень очаровательно. До того поэтично.

Моргунов. Да я разве возражаю?

Шурочка уходит. Моргунов задумчиво перечитывает письмо. В это время в сенях появляются головы Дан. Дан.,

Дарьи Плат., Софьи Льв. и др. Все они с интересом глядят на Моргунова и в то же время поглядывая на улицу. Слышен стук под'езжающего экипажа.

Дарья (вбегая). Барыня. (Убегает.)

Моргунов. Чего? Какая барыня? (Стоит в недоумении, все жители прячутся под окнами.)
Какая барыня?

Входит Женя. Немая сцена. Головы появляются вновь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Женя и Моргунов.

Моргунов озирается, видит головы, кидается запирать дверь, окна и задергивает их занавесками.

Моргунов. Женичка!

Женя (нарочито развязно). Да, Саша, вот я вернулась. Были причины, по которым я считала невозможным продолжать те мои отношения. Я, конечно, не извиняюсь перед тобою и не оправдываюсь, ибо никакого преступления я не совершила... Говорить о каком-то преступлении в данном случае было бы смешно и пошло. Моя страсть к тому человеку вполне остыла, и он для меня как личность уже не существует... Так что... (Менее уверенно.) Вот я вернулась... и думаю, что ты, как человек тонкий... (Умолкает.) Я надеюсь, что ты смотришь на вещи попрежнему здраво и резонно. Я могла бы скрыть, скрыть от тебя все... Но теперь, впрочем, по некоторым причинам, я ничего не могу скрывать...

Моргунов. Да... р-разумеется. (Глупо улыбается и косится на стол.)

Женя. Что это? Письмо мне?

Моргунов (быстро прячет письмо). Хотел тебе летние вещи выслать.

Женя (протягивая ему руки). Какой ты деликатный... (Плачет.) А там все такие оказались свиньи.

Моргунов. Ну полно... полно... (Нерешительно ее обнимает.)

Женя. Я с дороги умыться хочу... (Она подходит к наружной двери.) Петя, можно. (Входит Дроздов.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Дроздов,

Женя. Входите, Петя. Это вот, Саша, композитор Дроздов. Меня сюда довез. Я, действительно, была, как шальная. Потом расскажу тебе про это кошмарное происшествие.

Моргунов (тихо). А он кто?

Женя. Композитор.

Моргунов. А тебе-то он кто?

Женя. Никто. (Идет в свою комнату, Моргунов за нею на цыпочках.)

Дроздов один озирается. Видит в окно любопытные лица и сконфужено отворачивается.

Голос Жени. Петя, куда вы полотенца мои дели?

Дроздов. В левом углу.

Голос Жени. Пойдите сюда, я ничего не найду.

Дроздов. Пропасть не могли полотенца.
(Он идет туда.)

Входит Шурочка.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Шурочка, потом Моргунов.

Шурочка (входит и запирает за собой дверь). С чего они там, черти, собрались? Саша! А Саша! (Выбегает Моргунов.) Рассыпчатых нет. Все с кремом... Саша, что они там смеются? Дарья Платоновна меня с прибавлением семейства поздравила. Что такое?

Моргунов. Видишь ли... Произошло такое событие.

Шурочка (схватив лежавшие на столе перчатки). Кто приехал? Женичка! Да? Женичка!

Моргунов. Приехала. И тот, вообрази, ее бросил. Такая жалкая.

Шурочка. Саша... Но какое же теперь мое-то положение... Ты ей-то сказал про меня? Она что?

Моргунов (смущенно). Я еще не говорил... Сейчас пойду скажу...

Шурочка садится и закрывает лицо руками. Моргунов, косясь на нее, идет в соседнюю комнату. Входит Дроздов.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Шурочка и Дроздов.

Шурочка (говорит, не открывая лица). Вот со мной всегда так. Как полюблю кого, ничего абсолютно не получается хорошего. Как я тебя полюбила... Как я ребеночка ждала... прямо с невероятным восторгом... Хотела строить новую жизнь. И вот опять провалилось все. Кочмарева пуля сбила, а тут вот... какое обстоятельство. И ты свинья будешь, если плохо к ней отнесешься... (Всхлипывает.) Я и одна проживу. (Поднимает голову.) Ай... это кто же вы?

Дроздов. Извиняюсь, гражданка, я, конечно, композитор. Дроздов. А вы, что же, разве супруга того гражданина? Я полагал, что у него та супруга.

Шурочка. А вы-то чего в мою личную жизнь ворвались?

Дроздов. Извиняюсь, гражданка, я никуда не врвался. Я вижу ваше полное отчаянье и объяснил его по-своему... Сколько горя на свете у женщин... Ай! Ай! И все на почве любви... Ненормальное явление.

Шурочка. Рассуждаете. Ненормальное явление... Да если у меня все одни только сплошные несчастья... Если мне любить-то не дают в волю... То смерть, то еще что... Как вся начнешь человеку себя отдавать—и кончено... Опять сердце веревочкой подвязывай... Свободы мне нету — бьет меня судьба.

Дроздов. Это вы, гражданка, неправильно, судьбы никакой не существует.

Шурочка. Да, не существует... Вы-то почему знаете... Вы что такое за особенный умник?

Дроздов. Я, конечно, еще молодой... А только невозможно так все на личной жизни строить... Я вот музыку люблю и посильно служу всемирной революции. Это всегда при мне. Надо мною девчонки наши надсмеялись... Что же, я из-за них в петлю полезу?..

Дверь под напором тополянских жителей распахивается.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Данил Данилович, Дарья Платоновна, о. Гевнадий, Сарра Моисеевна, Лев Лазаревич, Софья Львовна.

Дарья Плат. А где же хозяйка-то... Мы почтение пришли засвидетельствовать.

Дан. Дан. Хозяйка где?

Шурочка. Там... не знаю.

Дарья Плат. Не знаешь. Не знаешь. Что? Побыла барыней, да и довольно. Какая важность-то, господи. И нос стала воротить. Моргунова, госпожа, княгиня, солдатка бывшая...

Дан. Дан. Сырчука-то до смерти довела. В огне Сырчук-то сгорел. А теперь вот сиди в глупом положении. Конечно. Вдова красного командира... Цаца... Большевичка сама-то. Она и Моргунова на партию толкает. Белые твоего оголтелого-то дьявола укокошили.

Шурочка. Не с... смейте... Не смейте.

Дарья Плат. Ох, испугались как. Батюшки, поджилки трясутся. Ох, умрем от страху.

Дан. Дан. Накося, выкуси... Вот тебе Кочмарев (показывает одну фигуру). Вот тебе Моргунов (показывает другую). Выкуси... Подавись... Большевичка...

Шурочка хочет сказать что-то, но заливается слезами.

Дроздов. Извиняюсь, гражданин, вы по какому праву на женщину кричите таким образом?

Дан. Дан. А ты что за гусь... Новый, что ли, усладитель?

Дроздов. Гражданин, вы гуся бросьте. Еще крупный вопрос, кто из нас с вами есть гусь.

Дан. Дан. То-есть как это...

Дроздов. А вот так это... Я такого оскорбления к женщине терпеть не могу... Поняли?..

Дан. Дан. Да что ты на меня орешь-то? Как ты смеешь? Ты кто такой? Откуда пришел... Гусь...

Дроздов. Говорю, про гуся бросьте...

Дан. Дан. Какой залетел... Безработный пристроился... Работай... Тут многие поработали.

Дроздов. А потрудитесь, гражданин, объявить, кто вы такой есть. Извиняюсь... Я вас за дерзости привлеку. Женщин оскорблять никто не имеет права.

Дан. Дан. (вытаскивая документ). Документик прикажете. К-какой важный... Гляди. А ты кто? А?

Дроздов (машинально лезет в карман). Я, конечно, Дроздов. (Вынимает билет).

Дан. Дан. (вдруг отступив). Кто? (Повернувшись испуганно.) Партийный!

Все мгновенно исчезают и плотно затворяют дверь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дроздов и Шурочка.

Дроздов. Ненормальные чудачки.

Шурочка (увидав его билет). Покажите-ка. (Грустно.) Вот и у Кочмарева в этом роде был.

Дроздов. Стаж совсем крошечный.

Шурочка. Вы что же идейный что ли?

Дроздов. А как же... Обязательно идейный... Очень верю, что наступит оно... будущее-то. Утопия эта самая возникнет... Я это в музыке пытаюсь доказать. Моя музыка должна быть высокоагитационная. Чтоб с концерта моего все расходились удивительно бодрые... но чтоб не было такого вот... мол всех победили... А трезвое отношение к делу... Я выразить не в состоянии. А только во мне это сидит... Клином засело еще в двадцатом году... Я тогда вовсе мальчишкой был. Как заиграют «Интернационал», так у меня по спине ровно, извиняюсь, насекомые ползут... Жуть какая-то и восторженное настроение.

Шурочка. А мировая, по-вашему, скоро будет? Кочмарев-то за мировую погиб. Чего ж она застряла-то?

Дроздов А это уж не наше дело. Скоро ли, нет ли... Не мы доживем, наши дети... вот ваш ребеночек доживет.

Шурочка. Ох, уж этот мой ребеночек.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Моргунов и Женя.

Моргунов. Шурочка... Я все об'яснил... Вот... Женя, оказывается, тоже в таком же, как и ты, положении... (Обе плачут.)

Моргунов (нервно хихикает, но сдерживается). Ужасное обстоятельство.

Он начинает смеяться, за ним смеются все. Сцена смеха.

Дроздов (сдерживая смех). Что вы, гражданки, плачете? Ведь вот не понимаю. Вы должны радоваться, что у вас от любви такие результаты... Да ведь что может быть лучше? То-есть я со своей женской точки зрения, то-есть если бы я был женщиной... Ребенок... Ведь это ж и есть цветок жизни. Оно самое, будущее-то. Для него мы и работаем... Для него жить обязаны. Какая бы любовь была, если бы не это. Одно сплошное безобразие... С этим бороться надо. А вы вот достигли самого результата и плачете. Я вот и в музыке выразить хотел в последней части... (Жене.) Помните, в Москве вам играл... Третья часть и кончается радостным криком новорожденного... Это же и есть основная цель всякой красоты... Как же плакать можно?

Женя (плача и смеясь, целует ему руку). Вы все-таки ангел какой-то!

Дроздов (страшно смущенный). Ангелы не существуют.

Шурочка (утирая слезы). Конечно, радоваться надо... Я только не знаю...

Женя. Вы живите, господа, как жили. А я так, как-нибудь... У меня ведь от чужого человека ребенок.

Дроздов (вдохновенно). А наплевать на него, от кого... Факт налицо... А кто там... извиняюсь... его вам... подарил, это не так важно... Евгения Петровна, не плачьте. Ну их всех.. Забудьте... Может быть, что я такой чудак. Вот я сижу здесь, и мне хорошо... И грустить не охота.

Моргунов. Мне, по правде сказать, тоже не охота.

Женя. Вы, Шурочка, не беспокойтесь... Я ваше счастье разрушать не собираюсь.

Дроздов. Зачем разрушать? Счастье, ведь, оно... очень редкое явление. Его беречь надо. (Радостно.) Эх... Со мной бывает... Подкатит радость к сердцу и прет, и прет... И никакого выхода... В такие минуты сочинять здорово. Эх, вот рояля нет... Евгенья Петровна... Вы не унывайте... Я... (он останавливается). Вы, по-моему, женщина по существу исключительная и чуткая.

Женя. Петя, а где мои платки носовые?

Дроздов. В правом углу... (Вынимает из кармана платок, завернутый в бумагу.) Вот за-

пасной... Как вы все плакали... я и взял... в дорогу... Извиняюсь.

Моргунов. Господа. Граждане. Давайте чай пить... С дороги-то... По-хорошему. (Дроздову.) Замечательно вы легкий человек.

Дроздов. А зачем тяжелым быть? Самоварчик можно поставить...

За окном уже ночь.

Шурочка. Сейчас я схлопочу... (В дверь.) Дарьюшка... Самоварчик давай.

Моргунов (в восторге). Им-то, им-то. Фига какая...

Дарья вносит самовар.

Шурочка. И, как нарочно, я пирожных четыре штуки купила.

Дроздов. Весело... Приятно... Надоело в поезде тащиться... Конечно, я тут случайно попал... а вот мне хорошо.

Женя. Петя... заварите. Он чай давно заваривает.

Дроздов. Моя специальность...

Моргунов (в окно). Дарья Платоновна, Данил Данилович... Софья Львовна. Идите чай пить. У нас радость... Женя приехала... и еще один гость... Заходите (Смеется.) Не идут. Попытались. Нарочно окно не закрою.

Шурочка (Жене). А вы словно и не изменились. Немножко похудели.

Женя. В Москве жизнь суетливая.

Дроздов. Я в Москву не по той рельсе попал... не по той линии... А, хорошо... Я давно вот так спокойно не сидел... Мне сейчас до того все нравится... Евгения Петровна, из окошка не дует?

Женя. Нет.

Моргунов. А тебе, Шурочка, не дует?

Шурочка. Закрой лучше.

Дроздов. Заварился... Разрешите налить, извиняюсь... Ой, извиняюсь... С дороги-то я рук не помыл... Ровно трубочист...

Женя (смеясь). Идемте... Там есть в сенях рукомойник. (Они уходят.)

Шурочка. Моргунчик... У меня даже сердце захолонуло... Он на ней словно бы жениться хочет.

Моргунов. И пусть... Я за нее рад буду. (Целуя ее). Милая моя, милая.

Шурочка. И любить теперь можно без всякой привязи. А как я было испугалась. И ее жалко, и тебя... Вижу, какой удар твоему доброму сердцу...

Женя и Дроздов возвращаются.

Женя. А они там так все и стоят.

Моргунов (в окно). Господа. Граждане. Чайку. Не идут! Граждане, право, заходите, ну чего вы обижаетесь? Или вам жалко, что мы друг другу глаза не повыцарапали, интересного зрелища вас лишили? Что делать? Зато сколько вам завтра на базаре рассказывать придется! Вы

только подумайте! Ну вот, вы, Данил Данилыч, женились бы на Танечке! Чем не невеста! А вы, Дарья Платоновна, женщина, можно сказать, в цвету, шли бы за Карла Федоровича! Гражданин Аффе к вам давно чувства питает! Право! И вам бы весело было и приятно!.. Не идут! (Отходит и садится за стол, весело.) Милые друзья, не будем играть в недомолвки! Давайте сразу все установим! Или и так все ясно без разговоров?

Женя. Конечно, ясно, ты и Шурочка!..

Дроздов (смущенно). Выходит, что мы с вами, Евгения Петровна!

Женя. Я вас за дорогу оценила... и любить стала!..

Дроздов. А я вас... как они вас там безобразно попросили... как вышли вы на улицу, я просто себя потерял! Всю вас насквозь понял!

Шурочка. До чего вы легкий человек!

Дроздов. Граждане. Мне трудно свои чувства выразить... Если бы рояль был... Я вот вижу, что всем сейчас как-то хорошо стало. И мне от этого приятно. Я бедный человек... Абсолютно не знаю, на что прожить, но уверен, что проживу... Моя стихия, конечно, музыка... Может быть, когда-нибудь я свою работу закончу и тогда понятно будет. Мне, граждане, ни славы не нужно, ни денег... Мне одно хочется, чтоб люди с моего концерта уходили такие радостные... Чтоб, если кто перед этим поссорился, чтоб помирился, если разлюбил, чтоб опять полюбил, если с собой по-

кончить задумал, чтоб не кончал... Радости людям дать до того мне хочется... И, по-моему, граждане, возможно это, если, конечно, работать. А, само собой, как знать, может, мне и не по силам... Ну не я, так другой. Я это к тому все говорю, что всем людям надо заботиться, как другим радость доставлять, а не каверзы строить... А если полюбить, то сердце так вот, на ладонке, и предоставить... Но я сознаю... Всегда можно, конечно, нарваться и в калошу сесть. (Замирает.)

Женя. Ну чего вы?

Дроздов. Нет, так пустяк один вспомнил. Калоши-то я свои забыл у Холиных.

З А Н А В Е С

РЕЖИССЕРСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Пьесы, ставящие своей темой вопрос семьи в социалистическом обществе, брачных отношений в условиях новых общественных форм—являются особо желанными в репертуаре советских, тем более клубных, театров.

Пьесы же не только ставящие, но так или иначе и решающие (идеологически приемлемо) эти сложнейшие вопросы общественного значения—своевременны, нужны, и постановка их, тем более перед организованным, клубным зрителем, силами клубных драмкружков приобретает гораздо большую значимость, чем это могло бы иметь место на сцене профтеатров.

Отнестись к работе над такого рода постановкой следует сугубо серьезно, дабы неверный шаг постановщика в общей трактовке, неправильный подход к роли того или иного исполнителя не повел бы всю постановку по ложному пути.

Автор комедии «Простая мудрость», желая шире охватить современные общественные группировки—развертывает место действия комедии и в столице, и в провинции.

Язык пьесы прост, каждое действующее лицо говорит присущей ему манерой. Слог простой, четкий, нет ненужных длиннот и нагромождений мыслей.

Автора можно упрекнуть только в некоторой затуманенности основной идеи комедии, ее главной мысли о «простой мудрости», высказываемой единственным, вполне положительным типом комедии, комсомольцем-композитором Дроздовым.

— «Жить обязаны для будущего, для детей—цветов жизни, независимо от того, свои они или чужие. Всем людям

надо заботиться, как радости доставлять другим и, если полюбить, то сердце вот так, как на ладонке, и представить».

Благодаря объединению автором в устах Дроздова всех этих внутренних лозунгов нового человека не вполне четко и ясно звучит основное разрешение вопроса отношения полов, не сразу становится очевидной «простая мудрость» в вопросах семьи.

Эта расплывчатость получается еще и потому, что автор наделил Дроздова, противопоставив его значительному числу отрицательных образов,—слишком мягким характером, сделал его излишне «легким человеком».

Все это может склонить исполнителя пойти по линии выявления этой исключительной мягкости нового человека и сделать образ рыхлым, блеклым, неубедительным.

В этом таится коренная опасность при осуществлении постановки «Простой мудрости», ибо единственно только Дроздов, как уже было сказано, противопоставляется автором всей отрицательной группе как элемент положительный, несущий новые взгляды на брак, семью, женщину.

Избежать такого рода постановочной опасности поможет психологическое укрепление образа комсомольца Дроздова. Всячески следует избежать впадения в лиризм, рыхлость, бесцветность. Нельзя вести роль Дроздова, подчеркивая наивность. Можно перейти грань и наделив Дроздова глуповатостью.

Дроздов не должен увлечь исполнителя роли и постановщика по линии изображения его комедийным персонажем, вроде фульдовского «Дурака» (репертуар дореволюционных театров, перевод с немецкого).

Не наивность и мягкость, присущая ему по воле автора, должны быть подчеркнуты в постановке, а (в моменты решительных столкновений—приезд к Моргунову) следует выявить в Дроздове глубину мыслей, чувств, искренность его отношений к женщине, независимо от личных интересов.

Свою «простую мудрость» о необходимости работы для общества, о детях—Дроздов должен высказать со всей кре-

постью и определенностью здорового ума и духа—без слащавой комедийной наигранной наивности, без «ангельского» приторного тона.

Дроздов мягок и прост, но не сентиментален и рыл духом.

Только при такой трактовке этого основного положительного образа комедии «Простая мудрость» будет интересной, нужной постановкой.

Остальные типы «Простой мудрости» наделены автором в разной степени отрицательными качествами. Некоторые из них (Шурочка и Моргунов) чувствуют гниль и грязь мещанства «старого мира», но, окруженные подавляющей массой отрицательных типов своей классовой группировки, бессильны в одиночку дать заедающему их мещанству отпор со всей мощью нового человека, бессильны найти «простую мудрость», разрешающую в корне важнейший из общественных вопросов—вопрос взаимоотношения полов.

Часть персонажей (жители города Тополянска) изображены автором сгущенными гротесковыми (шаржированными) красками для выявления всей гнуса их психического багажа.

«Свинными рылами» («Ревизор» Гоголя) суются они в личную жизнь своих собратьев, загрязняя бесцеремонностью, наглостью и пошлостью быт семьи.

П Е Р С О Н А Ж И К О М Е Д И И

ТИПЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ.

ДРОЗДОВ ПЕТЯ—окончил консерваторию, вузовец; молод, прямодушен. Не должно изображать его слюнтяем, рохлей, нарочитым добряком. Дроздов мягок, но и крепок духом. Фигура стройная, волосы светлые, рассыпаются в беспорядке, пробиваются усы и бороденка. Лицо приятное, без конфетной красоты.

Одет опрятно, косоворотка или толстовка, брюки длинные, кофка или фуражка, а может быть, даже и мягкая шляпа.

МОРГУНОВ—провинциальный житель, каких много. Человек, которого еще не успело засосать болото мещанства. К женщине относится чутко, с доверием. В одиночку пытается противостоять натиску пошлости близкой ему среды. Внешность обыденная. Исполнитель этой роли может играть Моргунова, не переделывая своей внешности. Одет в рубаху с мягким воротничком, галстук, брюки, пиджак. В первом акте работает дома без пиджака. Надевает его к приезду жены. В первом акте ходит, опираясь на палку или костыль, волоча ногу. В остальных актах здоров вполне.

ШУРОЧКА—девушка, которой жизнь дала мало радостей. Милое лицо—не красавица. Натура прямая, чистая, несмотря на влияние окружающих. Может проявить энергию и активность. Хочет строить новую жизнь (действ. 4, явление 5). Одеты просто: ситцевое платье, косыночка в первом и пятом действии платья разные.

ТИПЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ

ХОЛИН—профессор, москвич, отпрыск «старого мира» с психологией упадочника. Жизнь строит не на служении массе и утверждении новых общественных форм, а на флирте с женщинами, думая этим заполнить существование. Легкость отношений к вопросам брака и семьи. При ущемлении личных чувств обнаруживает всю шаткость и ложность своего «мировоззрения». Образ в целом отрицательный, и задачей исполнителя должно быть «развенчивающее» изображение этого социального типа. Заключительным моментом должно быть выявление животного инстинкта (ревности). Внешне Холлин—средних лет, тщательно выбрит, причесан. Одет модно, элегантен, фатоват, пресыщен успехом у женщин.

ЖЕНИЧКА—жена Моргунова. Внутренне пуста, что подвергает ее посторонним влияниям как дурным, так и хорошим. Необходимо в исполнении выявить эту психологическую неустойчивость как основание поведения Жени. Внешне красивая, стройная, одевается с претензией провинциалки.

АНЯ—жена Холина. Натура пассивная, подпавшая влиянию мужа и той «богемной» обстановки, в какой живет и работает (она актриса). Отсутствие взгляда на брак и семью (как основы общественности) приводит Аню к потаганью поступкам мужа, дабы сохранить этими средствами личную жизнь с ним. Молодая женщина. Старше Жени. Не красавица, но пригнана лицом. Одевается без особой претензии, но несколько эксцентрично. В действии втором, картине первой нужен купальный костюм.

Перечисленные пять персонажей комедии являются основными. На их изображении должно строиться выявление идеи «Простой мудрости». Остальные типы, выведенные в комедии, носят эпизодический характер и служат только фоном для главных действующих лиц. Эти эпизодические персонажи очерчены автором достаточно сильными и четкими штрихами, каждому из типов автором дана яркая отрицательная окраска, что позволяет без всяких затруднений подойти к разработке роли.

Для изображения некоторых из этих эпизодических фигур допустимы даже сгущенные краски (шарж). Таковы, например, обитатели Тополянска.

ДАНИЛ ДАНИЛОВИЧ—махровый реакционер и злопыхатель.

ОТЕЦ ГЕННАДИЙ—выхолощенное духовное существо, такой же по существу мещанин и пошляк, как и пасомое им «христово стадо». Все же эти Дарьи Платоновны, Танечки, Софьи Львовны, Сарры Моисеевны, Львы Лазаревичи, Сырчуки, барышни-гости и преподаватель немецкого языка Аффе—это все «свинные рыла» провинциального мещанского бо-лота, остатка дореволюционного быта. Изображать их должно, выявляя не только всю пошлость и гниль, вложенную в них самих, но и общества, их породившего. Можно изобразить всех этих социальных чудовищ не только духовными, но и физическими уродами. В одежде не следует давать излишней утрировки.

ДЕКОРАЦИИ

В виду того, что комедия «Простая мудрость» развернута автором в 7-ми картинах, при чем во II-м действии происходит смена 3-х картин—следует для удобства перестановок не загромождать постановку декоративными ухищрениями. С этой стороны ее должно строить, в условиях клубной сцены,— в сукнах, давая характер места действия декоративными деталями (пристановками) или просто установкой соответствующей мебели.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ, 1-я карт. Комната в квартире Моргунова в г. Тополянске. Можно дать в центре окно, за ним декоративный задник, синтетически (собираательно) изображающий провинциальный вид (город). Но можно упростить и этот момент, поместив окно, нужное по ходу действия, сбоку сцены. Обстановка в комнате провинциально-старомодная, так называемая «уютная», но не комфортабельная. В зависимости от средств клуба можно дать большую или меньшую детализацию установкой на сцене большего количества мебели.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ, 2-я и 3-я карт. Комната Холиных в Москве. Нужно дать только мебельное оформление. Мебель старинная, красного дерева, расставлена в «поэтическом» беспорядке, подчеркивая характер обитателей квартиры. Всюду хаос. На стенах (сукнах) развешаны гравюры, картины, на столиках и рояле (или пианино), необходимых для действия—расставлены статуэтки, безделушки. В одном из углов сцены, за ширмой или богатой занавеской, спальная хозяйев.

Картина четвертая Комната отца Геннадия в Тополянске. Большой киот с образами и лампадками перед ними. Большой обеденный стол с цветной скатертью и пылящим самоваром на нем, карточный столик, пузатые кресла и такой же диван создадут соответствующее оформление.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ, 5-я и 6-я карт. Та же обстановка, что и в 3 и 4 картине второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ, 7 - я карт. Обстановка первой картины первого действия.

С В Е Т

КАРТИНА ПЕРВАЯ. Притемненный белый свет (взять на реостат), в окно красноватый луч заката. После приезда Жени зажигается керосиновая лампа—тогда дать полный белый свет.

КАРТИНА ВТОРАЯ. Вечер. Горит электричество (висячая лампа и настольная). Общий белый свет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ. Утро. Общий белый свет.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ. Вечер. Горит керосиновая висячая лампа над обеденным столом и лампадки перед образами кюта. Общий белый свет.

КАРТИНА ПЯТАЯ. Вечер, зажжены электрические лампы. Для общего света смешать белый с красным.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ. Вечер. Горит керосиновая лампа. Общий свет белый.

З А К Л Ю Ч Е Н И Е

Вся комедия должна вестись в крепком, бодром тоне. Психологическая разработка типов должна быть яркой. Не следует задаваться целью дать ступенный правдоподобный быт.

Примечание. Для исполнительницы роли Жени, кроме обыкновенных жизненных костюмов, по ходу действия нужен декоративный костюм татарской женщины с чадрой; для Ани—купальный костюм и домашний капот из яркой, пестрой материи.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТЕАКИНОПЕЧАТЬ

Москва, 9, Страстной бульвар, 2/42.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ

ПОСОБИЯ ТЕАТРАЛЬНЫМ РАБОТНИКАМ

Е. А. БЕЛЯЕВ

АДМИНИСТРАТОР ТЕАТРА

Необходимое пособие для
администраторов театров
и кинотеатров. 112 стр.

Цена 1 руб. 35 коп.

В. Н. ВСЕВОЛОД-ГЕРНГРОСС

ИСТОРИЯ РУССКОГО ТЕАТРА

В 2 томах. Цена за
оба тома — 12 рублей.

В. ДАСМАНОВ

**МУЗЫКАЛЬНОЕ И ЗВУКОВОЕ
ОФОРМЛЕНИЕ ПЬЕСЫ**

Цена 60 к.

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ В МАГАЗИНЫ:

„СЦЕНА И ЭКРАН“

Москва, 9, Тверская, 19. Ленинград, Пр. 25 Октября, 68.

РУКОВОДСТВА

А. БОРОДИН

КАК ПИСАТЬ ПЬЕСУ

Руководство.

Ц. 65 к.

Л. СУББОТИН

РАБОТА НАД ПЬЕСОЙ И РОЛЬЮ

Пособие.

Ц. 1 р.

Н. ДЕМЬЯНОВ

ХОРОВОЙ КРУЖОК В ДЕРЕВНЕ

Руководство.

Ц. 70 к.

МАССОВОЕ ДЕЙСТВО

Сценические игры. Под ред. Подвойского.

Ц. 1 р. 75 к.

РЕПЕРТУАРНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

РАЗРЕШЕННЫХ И ЗАПРЕЩЕННЫХ ПЬЕС в пр.

Офиц. изд. ГРК — 1929 г. Стр. 196. Ц. 1 р. 80 к.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТЕАКИНОПЕЧАТЬ**

Москва, 9, Страстной бул. 2/42.

РУКОВОДСТВА

Н. ПЕТРОВ

13 УРОКОВ ДРАМЫ

Стр. 106.

Ц. 1 р. 20 к.

Р. СОСЕНКО

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ РАБОТУ КЛУБА И КРАСНОГО УГОЛКА

Руководство

Ц. 75 к.

Н. МИХАЙЛОВ

УСТРОЙСТВО ДЕРЕВЕНСКОЙ С Ц Е Н Ы

Руководство. Стр. 80.

Ц. 35 к.

В. К. СЕРЕЖНИКОВ

МАСТЕРСТВО ЧТЕЦА

Теория и методика художественного чтения.

Стр. 225.

Ц. 1 р. 35 к.

Театральный сектор издательства Театропечать просит всех театральных, клубных, деревенских работников, а также отдельных кружковцев и товарищей, которые прочтут эту пьесу или примут участие в ее постановке, сообщить: 1) свое мнение о ее достоинствах или недостатках, а также 2) свои, по возможности подробные, соображения и пожелания о пьесах для клубного и самодеятельного театра (темы, количество ролей, язык и т. п.). Каждое замечание послужит помощью театральному сектору и авторам в работе по созданию массовой пьесы.

Свои замечания и пожелания следует направлять по адресу: Москва, 9, Страстной бул., 2/42. Издательство Театропечать, театральный сектор.

Цена 55 коп.

X-5/a

СПЛАД ИЗДАНИЙ
Москва, 9. Страстной бульвар, 4.

ТЕАКНИВЕРИТЕТЪ